

INSPIRIA

ТЕБЯ НИКТО НЕ НАЙДЕТ

ТУВЕ АЛЬСТЕРДАЛЬ

 INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Швеция

Туве Альстердаль

Тебя никто не найдет

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Альстердаль Т.

Тебя никто не найдет / Т. Альстердаль — «Эксмо», 2021 — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция)

ISBN 978-5-04-197976-8

ДЕТЕКТИВ-ТРИЛЛЕР, ПЕРЕВЕДЕННЫЙ НА 15 ЯЗЫКОВ.
ОДНА ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ШВЕДСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ.
«СКАНДИНАВСКИЙ НУАР В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ЖАНРА» —
PEOPLE. Его заперли в заброшенном доме и оставили умирать. И она — его последняя надежда на спасение. Жители небольшого городка Мальмберг, расположенного на севере Швеции, вынуждены переезжать вместе со своими домами из-за шахты, которая некогда давала жизнь этому городку, а теперь уничтожает его улицу за улицей. Двое рабочих, занимающихся перемещением очередного дома, находят в запертом подвале перепуганного и изможденного мужчину. Год спустя, в 700 км от Мальмберга, в подвале заброшенного дома посреди глухого леса обнаружен еще один труп. Мужчина, о котором неизвестно ничего кроме имени, нацарапанного им на стене перед смертью. Что с ним произошло — загадка для местной полиции, поэтому к делу привлекают констебля Эйру Шьёдин. Никто не знает этот район и местных жителей лучше нее... «Первоклассная скандинавская криминальная литература. Принадлежит к той же касте, что и "Смилла и ее чувство снега" и трилогия "Миллениум"». — Bookpage «Тове Альстердаль искусна не только в написании своей криминальной истории, но и в изображении страны, переживающей перемены. Кто на самом деле покупает полуразрушенные дома в лесу? Какую историю хранят эти дома? Тове Альстердаль знает свой Одален, и она действительно может изобразить прошлое и настоящее этого района». — Ölandsbladet «Мисс Альстердаль сплетает воедино личные и профессиональные проблемы своих персонажей в манере, напоминающей таких шведских мастеров, как Май Шеволл, Пер Валле и Хеннинг Манкелл». — The Wall Street Journal «Язык Альстердаль богат сдержанной красотой и искусной точностью. Каждое слово играет свою роль, но все они являются частью одного и того же контекста, где ничто не выделяется и не нарушает

общую картину». — Göteborgs-Posten «Альстердаль в очередной раз мастерски справляется с поставленной задачей, это скандинавский нуар высочайшего уровня, с людьми, которые изо всех сил борются в долине слез, известной как жизнь, в то время как зло скрывается в тени. К счастью, есть проблески света; большой лес может быть темным, а карканье воронов зловещим, но внезапно появляется любовь, такая же сильная и властная, как река Ангерманланд». — Femina «Мрачная серия Туве Альстердаль показывает темную сторону общества и в то же время дает впечатляющее представление о шведской сельской местности». — Kulturnews «Сильные персонажи, отличное чувство места и изобилие сюжетных поворотов». — Sunday Times Crime Club

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-197976-8

© Альстердаль Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Поселок Мальмберг, Норрботтен[1]	7
Одален. Октябрь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тове Альстердаль Тебя никто не найдет

Tove Alsterdal
Slukhå!l

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Tove Alsterdal, 2021

© Савина Е. Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Поселок Мальмберг, Норрботтен¹

В ту ночь подошву горы сотряс мощный удар – подземный толчок небывалой силы, от которого в домах кровати подпрыгнули, а посуда из шкафов попадала на пол.

С наступлением утра одна пожилая женщина позвонила в горнорудную компанию и потребовала возместить причиненный ей ущерб. Двадцатисемилетний отец семейства сделал то же самое после того, как вышел в сад и обнаружил, что трехколесный велосипед его дочери пропал. «Украл!» – со злостью подумал он и принялся проклинать воров, наркоманов и растущую в их округе преступность, пока не заметил трещину, прорезавшую его участок, и не понял, что велосипед провалился прямо в недра земли.

Эти и подобные им случаи заставляли людей покидать Мальмберг, не оборачиваясь, пусть даже им всегда будет не хватать места, которое они считали своим.

Томми Ойа проснулся час спустя, но не от толчка – его разбудил телефонный звонок. Чашка черного кофе, бутерброд в руке. До восхода солнца оставалось еще несколько часов, свет автомобильных фар разрезал ночную тьму. За последний год многие фонари в округе погасли, большинство были разбиты. Томми свернул на Хермелин и остановил машину у грозящей рухнуть ограды. За ней в ожидании переезда все еще стояло несколько старинных деревянных домов из тех, что были пропитаны духом вековой истории Мальмберга, а потому обладавших особой культурной ценностью. Сам он вырос в блочной многоэтажке, которую снесли много лет назад. Что было, то было – не о чем горевать. Ограда придвинулась еще ближе, и воспоминания о детстве растаяли, поглощенные гигантской дырой Шахты.

Томми Ойа решил не дожидаться своего коллегу, который жил в Гэлливаре. Он достал связку ключей, фотоаппарат и вошел внутрь.

С постели его подняли вопросы страховки. Если по вине ночного землетрясения разбился чей-то сервиз или упал со стены плоский телевизор, то отвечать будет горнорудная компания, а не строительные подрядчики.

Через несколько месяцев занимающаяся переездами фирма освободит квартиры от мебели и прочего имущества, после чего начнется самый важный этап работы: рабочие сделают подкоп вокруг фундамента, подведут металлические балки и двутавры, закрепят печные трубы, и дом поедет на свой новый адрес. По прибытии его вновь обставят прежней мебелью, и станет почти незаметно, что с домом что-то произошло, – разве что чарующий вид на поселок Мальмберг, церковный шпиль и горы сменяются ельником в Коскульскулле.

«Тем, кто здесь живет, неслыханно повезло», – думал Томми Ойа, переходя из комнаты в комнату и тщательно документируя. Они переедут на новое место вместе со своим домом, во всяком случае, с той его частью, которая входит в само понятие «дом». Впрочем, в наши дни это практически одно и то же.

С полки на пол попадали книги. На черно-белой, слегка пожелтевшей от времени свадебной фотографии треснуло стекло. Томми сфотографировал причиненный ущерб, и ему почудилось, будто до него доносятся жалобные сетования. Он уставился на лица с фотографии, такие серьезные в столь торжественный момент, запечатленные, наверное, лет сто назад. Трещина пересекла горло жениха, разбила лицо невесты.

– Вот и все, Томми Ойа, теперь можешь уходить, – произнес он вслух, обращаясь к самому себе.

Как житель Мальмберга он был лишен сентиментальности. Жил сегодняшним днем и далеко вперед не заглядывал. Он не жалел об исчезнувших кинотеатрах и киосках, где покупал

¹ *Норрботтен* – историческая провинция в северной части Северной Швеции, в историческом регионе Норрланд. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

свои первые фотокарточки с изображениями известных хоккеистов. Руду необходимо добывать, и без горнодобывающей промышленности ничего вообще не будет – ни поселка, ни работы, ни богатства, на котором держится Швеция. Останется только край северных оленей и нетронутых гор, что кое-кому в далеком Стокгольме, конечно, очень не понравится, особенно тем хлыщам, которые только и делают, что просиживают штаны в своих замечательных барах и даже не задумываются о том, откуда берется их благосостояние, как оно добывается из горной породы у них под ногами.

И вдруг он снова это услышал. Вот дьявол.

Это были не слова, а тихий жалобный плач, словно в стенах еще оставались голоса тех, кто здесь жил.

– А ну заткнитесь! – прикрикнул он.

– С кем это вы разговариваете?

В дверях стоял молодой парень, сотрудник фирмы, присланный сюда в качестве временной замены одному из пожилых специалистов, который заработал себе смещение позвонков. Очень не вовремя. Переезд дома – задача крайне сложная, все должно пройти без сучка и задоринки. Малейшая разбалансировка – и стены могут треснуть. Местные СМИ будут снимать весь процесс на камеру, а жители Мальмберга соберутся на обочине дороги и станут наблюдать оттуда, как населенный людьми поселок исчезает с лица земли.

– Раненько же ты, – проворчал Томми Ойа и, выйдя на лестничную площадку, начал степенно подниматься на верхний этаж.

Парень не шелохнулся.

– Что это? – вдруг спросил он.

– Где?

– Да вот. Словно зверь скулит.

Томми Ойа поспешно спустился обратно.

– Так ты тоже это слышишь?

– Черт, неужели кто-то забыл здесь свою кошку?

На этот раз к странному звуку добавилось еще и слабое постукивание в трубах. Они замолчали и прислушались. Эхо ударов глухо перекатывалось вокруг них, постепенно затихая, чтобы затем с новой силой зазвучать вновь.

– Подвал, – наконец догадался парень. – Должно быть, звук идет оттуда.

Томми загремел ключами, попробовал один, следом второй. Дверца распахнулась, кривая лесенка уводила вниз, во тьму. Они спустились по ней и уперлись в железную дверь с крепкой ручкой. Здесь стука слышно не было – должно быть, звук проникал в дом другими путями, например, через печную трубу. Ни один из ключей из связки к двери не подошел.

– Дьявол, – выругался Томми и рванул к выходу из подвала. Парень следовал за ним по пятам. Они вместе вышли из дома и обогнули его. Звук послышался снова. У подвального окошка Томми опустился на колени и включил фонарик. Стекло отразило свет, ослепив его, перед глазами поплыли огненные круги.

– Разбейте его, – посоветовал парень.

– Совсем, что ли? Мы не имеем права наносить дому ущерб!

– Это всего лишь окно, – пожал плечами парень, – какая разница?

«Мальчишка», – снисходительно подумал Томми Ойа, возвращаясь к своей машине за инструментом. Он просунул в щель оконной рамы стамеску и надавил.

Последние осколки стекла со звоном осыпались на каменный пол подвала, и стало тихо. Томми Ойа еще успел подумать, что это все ошибка. В голове промелькнула оправдательная речь перед начальством, мол, я не виноват, это все кошка проклятая, и тут молодой парень взял фонарик и осветил внутрь. Томми Ойа знал, что до пола там больше двух метров – он самолично занимался расчетами по этому дому и составлял план, как именно следует подво-

дить направляющие балки, чтобы приподнять его. К тому же окошко было чересчур маленьким, чтобы можно было в него протиснуться, если бы кто-то все же решил рискнуть своей жизнью ради чертовой кошки.

Парень вскрикнул и, выронив фонарик, попятился с такой скоростью, скребя задницей по гравию, словно собрался удирать до самого Гэлливаре. В его глазах застыл дикий страх. В этот момент из-за гор выглянуло солнце, и вставшие дыбом волосы на голове у паренька засияли, словно нимб.

– Привидение, что ли, увидел?

Томми просунул руку с фонариком в разбитое окошко, луч света скользнул вдоль стен. Было так тихо, что даже противно. Он слышал свой собственный пульс и приглушенные ругательства парнишки. Внутри подвала были навалены какие-то коробки, складные пластиковые стулья. Старый стол для пинг-понга, постеры на стенах. И вдруг какое-то движение. Чьи-то руки, поднявшиеся, чтобы защитить лицо от яркого света. Человек лежал, прижавшись к стене, сжевившись, будто зверь. Вокруг валялись разбросанные картонки и всякий хлам.

Томми уставился, не веря своим глазам.

Парень за его спиной продолжал поскуливать со страху.

– Заткнись! – прикрикнул на него Томми.

Теперь звук был слышен отчетливо. Он шел из угла, разносясь под бетонно-кирпичными сводами подвала, резал воздух, будто ножовка. Это был крик запертого в клетке зверя, в нем не было ничего человеческого – скорее, дикий первобытный рев до того, как человек стал человеком и обрел дар речи, словно истеричный ор новорожденного. У самого Томми Ойа было трое детей, и он отлично знал, как они умеют орать. Но этот крик не шел с ними ни в какое сравнение.

Он похлопал по карманам в поисках телефона, его руки дрожали, когда он набирал простую комбинацию цифр и бессвязно просил прислать полицию и «Скорую» на Лонга Раден. Ему пришлось три раза повторить адрес, ведь центральная диспетчерская служба находилась в Умео, в пятидесяти милях к югу, так откуда тамошним сотрудникам знать про расположение улиц в Мальмберге.

Затем он вновь подполз к окошку и осветил фонариком на свое лицо, чтобы не ослепить того человека.

– Они скоро будут! – сказал, нет, крикнул он в темноту, но не получил ответа.

Одален. Октябрь

Эйра Шьёдин как раз заворачивала кофейные чашки в полотенца, когда ее мама принялась распаковывать обратно первую коробку.

– Что это ты делаешь, мама?

– Думаю, они мне не понадобятся.

– Ты же сама сказала, что хочешь взять с собой эти книги.

Черстин Шьёдин вынула несколько томиков и принялась расставлять их обратно, заполняя образовавшиеся на полках пустоты.

– Переезд отменяется, – заявила она. – И вообще, по мне, так это все напрасный труд. У меня здесь такое дешевое жилье – всего две тысячи крон в месяц.

Эйра без сил опустилась на стул, чувствуя себя смертельно уставшей. Процедура сборов продолжалась уже больше недели, поскольку очень больно выбрать из дорогих тебе вещей, с которыми связана вся твоя жизнь, лишь некоторые, и попытаться впихнуть их в комнату площадью восемнадцать квадратных метров.

Вот уже в тридцатый по счету раз, не меньше, ей удалось убедить маму, что ей действительно нужно переехать в приют для престарелых, а уже на следующий день Черстин снова все забыла. Случалось, она забывала об этом даже спустя несколько минут. Эйра отметила про себя, какие коробки распаковывает Черстин, чтобы вечером, когда мама уснет, снова запаковать их.

– Тебе какие картины больше нравятся?

На обоях остались светлые прямоугольники – следы от картин, которые повисели здесь почти целую вечность. Черно-белая гравюра с изображением реки еще тех времен, когда по ней сплавляли бревна, детский рисунок в рамочке, который нарисовал брат Эйры, когда еще самой Эйры и на свете-то не было. Мама, папа и ребенок, а над ними – ярко-желтое солнце с большими толстыми лучами.

А еще занавески. Из двухэтажного дома переехать в комнатушку с одним-единственным окном. И одежда. «Вряд ли в обязанности персонала входит глажка красивых блузок», – подумала Эйра, глядя на то, как Черстин распаковывает дорожные сумки и достает аккуратно сложенные вещи, которые с таким трудом удалось собрать после многочисленных уговоров. Теперь же они возвращались обратно на вешалки. Черстин была еще относительно молода, всего-то слегка за семьдесят, когда у нее началась деменция. Эйра видела, какими дряхлыми были другие жители приюта, и спрашивала себя, сколько времени должно пройти, прежде чем ее элегантная мама смирится с жизнью в байковом халате или в юбке на резинке, надеваемой, когда приходят гости.

На все про все у них была ровно неделя, после чего место отойдет кому-то другому, но все же Эйра взяла трубку, когда ей позвонили: не могла не взять.

– Как дела? – спросил Август Энгельгардт, заехав за ней спустя четверть часа на патрульной машине.

– Отлично, – буркнула Эйра.

Август покосился на нее, притормаживая у выезда на шоссе, и следом совершенно не по-уставному улыбнулся.

– Я уже говорил, что страшно рад вернуться обратно?

Август Энгельгардт был на пять лет моложе Эйры – все еще свежее испеченный сержант полиции, вернувшийся обратно в Крамфорс после продолжительной службы в Тролльхаттане, где он временно замещал одного из тамошних сотрудников, тем самым побывав в разных концах страны и вкусив все прелести, которые те могут предложить.

– Что у нас на повестке дня? – спросила она.

– Один пропавший без вести. Мужчина средних лет, родом из Нюланда, никакого криминального прошлого.

– Кто заявил?

– Его бывшая жена. Их дочь учится в Лулео. Она первая встревожилась и позвонила матери. Вот уже три недели как об ее отце ни слуху ни духу.

Эйра на мгновение прикрыла глаза. Картинка шоссе все равно никуда не делась, равно как и мысли о старинном бюро, переходящем у них в семье по наследству. Маме может понадобиться инвалидная коляска – и как она тогда станет разворачиваться в загроможденной мебели комнате? А ведь это может случиться совсем скоро.

Пропавший гражданин проживал в кооперативной квартире в доме за супермаркетом «Ика Розен» в Нюланде. Август и Эйра остановились у группы двухэтажных опрятно выглядящих строений, столь безликих, что они могли находиться в любой части страны. Консьерж, который должен был впустить их в квартиру, опаздывал, но у подъезда их уже поджидала бывшая жена пропавшего: пиджак, модные в этом году очки в белой оправе, коротко подстриженные волосы в идеальном порядке.

– Его уже три недели никто не видел, – сообщила Сесилия Рунне. – Конечно, Хассе тот еще подлец, но работа всегда была для него на первом месте.

– Кем он работал?

– Вообще-то он актер, но, чтобы не помереть с голоду, хватался за все подряд – в наших краях без этого никак. Работал строителем, в патронажной службе обслуживания престарелых... Я не знаю всех подробностей, но, по словам дочери, на прошлой неделе он должен был поехать на съемки фильма в Умео. Хассе безнадежен по части денег, но он всегда трепетно относился к своим ролям, особенно учитывая прошлый год, когда он целых семь месяцев просидел без работы.

Вирус, который так больно ударил по всему миру, по сфере культуры, по старикам. Беда, из-за которой даже пришлось отложить переезд в приют для престарелых, пока обстановка в доме не стала совсем уже невыносимой.

Август записывал показания бывшей супруги.

По словам тех, кто в последнее время общался по телефону с Хансом Рунне, у него наблюдались проблемы с психикой и алкоголем.

– А какая-нибудь новая женщина у него появилась?

– Нет, не думаю, – ответила Сесилия, возможно, чересчур поспешно. – Во всяком случае, я ничего об этом не слышала. – Ее взгляд скользнул по двору и по усыпанной палыми листьями лужайке, на которой стояли чьи-то ходунки.

Дело о взрослом мужчине, который забил на работу и не отвечает на звонки, никак не относилось к разряду приоритетных. Возможно, оно вообще выеденного яйца не стоит. Полицейские приняли заявление, осталось попасть в квартиру, где в худшем случае его обнаружат мертвым.

Это было вероятнее всего. Инсульт, сердечный приступ, да мало ли что. Самоубийство, наконец. Разве что его настиг кризис среднего возраста, и он отправился бродить по горам, но разве это преступление?

– Только бы он не валялся там внутри, – проговорила женщина, и на этот раз в ее голосе отчетливо прозвучал страх. – А то столько похожих случаев в последнее время. Люди, чьи трупы находили лишь спустя недели. Я много о таком читала, а с одним из моих знакомых приключилась та же история. Не представляю, как Палома сможет с этим жить?

– Палома?

– Наша дочь. Она названивала ему каждый день и даже собиралась приехать сюда из Лулео, несмотря на сессию. Я сказала, что улажу этот вопрос. Пообещала ей все выяснить.

Появился консьерж и впустил их в квартиру Ханса Рунне на втором этаже. На полу под ногами валялись нескрытые конверты и рекламные листовки, пахло застарелым мусором или чем-то похожим. Прихожая вела прямоком на кухню. В мойке – несколько чашек и стакан, на столике рядом – пустая винная бутылка. Вонь шла из мешка с мусором, который был засунут под мойку.

– Вообще-то он любил выпить, – произнесла за их спинами бывшая жена. – Может, после развода и запил – не знаю.

В гостиной тоже было пусто. Еще несколько стаканов и пустых бутылок. Гигантский плазменный телевизор на стене. Дверь в спальню оказалась закрытой.

– Пожалуй, будет лучше, если вы подождете в прихожей, – сказала Эйра.

Женщина зажала рот рукой и попятилась из гостиной с круглыми от ужаса глазами. Август толкнул дверь и вместе с Эйрой тут же с облегчением выдохнул.

Постель не была заправлена, подушки и одеяла валялись в беспорядке, но вокруг не было ни души. Эйра и Август как по команде присели на корточки и заглянули под кровать. Ничего настораживающего. Просто обычный мужчина, который не застелил постель. И который читал на ночь дневники Ульфа Лунделла, судя по толстому тому на прикроватной тумбочке, и скрипел во сне зубами, судя по зубной пластинке в открытом пластиковом футляре. Воздух в комнате был таким, каким он бывает после трех недель полной неподвижности – спертым, но все же терпимым.

Когда они вернулись обратно на кухню, Сесилия Рунне опустилась на стул.

– Он не мог просто так взять и исчезнуть, не сказав при этом ни слова своей дочери. И оставить меня разбираться со всем этим. Хассе, конечно, любит трепать языком, что есть, то есть, но когда речь заходит об ответственности перед другими...

– Как давно вы развелись? – спросила Эйра, открывая холодильник. «Три года», – прозвучало в ответ, и это она его бросила, а не он ее.

Молоко, срок годности которого истек еще неделю назад, кусок заветрившейся на срезе ветчины. Если Ханс исчез добровольно, то вряд ли это был запланированный уход.

Сесилия заплакала, молча и сдержанно.

– Я была так зла на него, – проговорила она сквозь слезы, – а теперь уже слишком поздно. Эйра увидела, что Август изучает даты бесплатных газет на коврике в прихожей.

– Мы еще ничего не знаем, – возразила она. – Сейчас вообще еще слишком рано о чем-то говорить.

Фаном, Скадом, Ундром. В лесах пригорода Соллефтео хватает деревушек с подобными непонятными названиями. Туне Эльвин снизила скорость до тридцати, въезжая в Арлум и Стёндар. Сюда она еще никогда не сворачивала. На карте деревня действительно была обозначена двойным названием, словно две деревеньки поменьше слились в одну. Почему ее так называли – она не знала, равно как ничего не знала и о людях, проживавших в Арлуме и Стёндаре. Туне просто не спеша проезжала мимо. Несколько домов по обе стороны от узкой дороги выглядели нежилыми, но слишком сильного упадка, который мог заинтересовать ее, нигде не наблюдалось. Она покатила дальше, в сторону старого металлургического завода, и ее сердце забилося чуть быстрее, когда она въехала в Оффе².

Какое зловещее и вместе с тем красивое название.

Она искала давно позабытые тропинки. Дороги, которыми люди пользовались лет пятьдесят или сто назад, отправляясь навстречу своей судьбе.

Заприметив заросшую лесную колею, она остановилась и повесила на шею фотоаппарат, старую добрую «Лейку».

² Оффе – шв. Offer – жертва. (Прим. редактора.)

Лес сомкнулся вокруг нее, выдыхая сентябрьские запахи земли, природного изобилия и смерти, которая следует за жизнью, раз за разом сменяя ее. Взлетел ворон и закружил высоко над лесом, к нему присоединился еще один. Она читала, что эти птицы часто сопровождают медведей, и ее сердце вновь ушащено забилося. Она забыла, что делать, если наткнешься на косолапого – стоит ли встречаться с ним взглядом или лучше не надо?

Пламенеющие краски осени сменились неизменной тьмой ельника, который внезапно расступился, обнажив старый сад с лиственными деревьями и кустарниками, посреди которого стоял по-настоящему заброшенный дом. Туне в восторге замерла – просто бесподобно, именно то, что она искала: краска полностью облупилась, фасад посерел от непогоды. Она подняла фотоаппарат и двинулась по высокой траве к дому, ловя в кадр прошлое, тоску по давно ушедшему.

И тут вороны приземлились.

Это было немного чересчур. На фоне всей этой красоты, все еще изобилующей зеленью, с обветшалыми стенами на заднем плане, черные птицы выглядели угрожающе, словно предвестники несчастья. Один из воронов деловито зашагал вдоль треснувшего фундамента, второй уселся на ветку. Туне осторожно попятилась с фотоаппаратом наперевес и крикнула, чтобы прогнать птиц.

Путаясь и нервничая, она сменила пленку в кассете: надо было успеть запечатлеть все, пока не угас дневной свет. «Забвение» – вот как она назовет свою следующую выставку, или же «Тоска по утраченному». Один ее приятель-психолог посоветовал ей заглянуть в глаза собственному горю и принять тот факт, что она осталась одна. Но она пойдет дальше и запечатлеет свою тоску в черно-белых образах, во всех этих серых полутонах – это совершенно самостоятельный проект, который вернет ее обратно к тому, что она любит больше всего на свете – к искусству фотографии.

Сразу было ясно, что в органах социальной опеки больше никто не следил за своевременной оплатой жилья.

Перед входной дверью – сгнивший мостик, стебли сорных трав, проросших сквозь труху. Ближе, еще ближе, чтобы запечатлеть все нюансы и прожилки, едва заметные следы краски и дерева, ветшавшее многие годы, слой за слоем, всю ту жизнь, что проходила здесь.

Туне коснулась дверной ручки, отлитой из железа. Дверь не была заперта и на удивление легко распахнулась.

Тишина и покой. Солнце, пробиваясь внутрь сквозь пыльные стекла окон, наискось пронизывало комнату золотом своих лучей – освещение, которому позавидовал бы сам Рембрандт. В углу пылилась пара сломанных стульев. Туне поставила один из них в центре комнаты – удивительно, но он продолжал стоять прямо, несмотря на недостающую ножку – и сделала несколько снимков с разных ракурсов. Добавила поломанную табуретку, и композиция внезапно ожила: сцена ссоры давно минувших дней, один ушел, другой остался. Она повернула стул, и настроение тут же изменилось. День между тем клонился к вечеру – видимость упала настолько, что пришлось подкрутить на полдиоптрии колесико видеоискателя. Туне заглянула в следующую комнату.

Старая железная кровать, рваный, набитый конским волосом матрас весьма омерзительного вида. Она сделала пару снимков, от которых ее замутило. Комната выходила на север, и в ней не было никаких теней – один только сумрак. Туне шагнула по громко застонавшим доскам пола и почему-то подумала о мертвецах, в голове пронеслись образы чего-то дикого и ужасного. Снаружи каркнул ворон. Дом был настоroje, он скрипел и вздыхал, выталкивая ее прочь.

«Померещилось», – подумала она, когда выбралась на свежий воздух. За деревьями садилось солнце, потянуло вечерней сыростью. «Это просто звуки, которые издает старое дерево», –

сказала она себе. Может, ласточки свили себе гнездо под крышей, или мыши шуршат за стенами.

Настоящее искусство требует полного погружения в свои страхи, прикосновения к тому, что причиняет боль. И все это она должна воплотить в своих снимках.

«Но только не сейчас», – подумала Туне, прокладывая себе дорогу между берез и осин в ту сторону, где была еле видная из-за зарослей тропинка.

Мебель заняла свое место в комнате. Бюро, книжный шкаф и прочее, выглядевшее таким старым и потертым на фоне светлых стен и металлической кровати больничной модели, способной подниматься и опускаться. Эйра даже успела повесить занавески, хотя уже опаздывала на работу. Но она не могла бросить маму посреди этого бедлама: комната должна быть прибранной и уютной, она должна напоминать о доме хоть немного.

– С книгами я тебе помогу завтра, – пообещала Эйра, распаковывая последний бокал. По четыре каждого вида, в надежде на гостей. В единственном шкафчике сразу стало тесно.

– Не надо, я сама справлюсь, – отозвалась Черстин. – Ты же не знаешь, по какому принципу их систематизировать.

Библиотекарша, что продолжала жить в ее маме, явно уйдет последней.

Время в стенах приюта текло иначе, гораздо медленнее. Куда-то торопиться здесь было стыдно и, наверное, даже бесчеловечно, но у Эйры не оставалось другого выбора.

– Тебе тут будет хорошо.

На прощание она обняла маму. Дома она редко это делала.

– Не знаю, не знаю, – пробормотала Черстин.

Осенний воздух был такой ясный и прозрачный, что Эйра приостановилась, чтобы вдохнуть его полной грудью. К реке сбегала дорожка для прогулок, вокруг стояли беседки и веранды с еще не убранной садовой мебелью. Синоптики обещали в октябре теплую погоду. Может, все еще образуется?

На арендованном для перевозки вещей автофургоне она отправилась на работу: не зря же она оплатила целые сутки проката? У входа в полицейский участок растерянно топталась незнакомая молодая девушка.

– Ищите кого-то? – спросила Эйра, прикладывая жетон к электронному замку и вводя свой код.

– Да, но...

Эйра притормозила на пороге.

– Вы хотите подать заявление?

– Наверное, было ошибкой приехать сюда. – Голос был такой хрупкий и ломкий, словно крылья у стрекозы. Выцветшие волосы. Колечко в нижней губе.

– Я сержант полиции города Крамфорса, вы можете обратиться ко мне. У вас что-то стряслось?

– Речь не обо мне, – девушка провела рукой по волосам, отчего те не стали выглядеть лучше. – Это касается моего папы. Мы уже подали заявление, и мама говорит, что больше мы ничего не в силах сделать, но разве так можно, чтобы уж совсем ничего нельзя было сделать?

– Не хотите ли зайти?

Усадив девушку на черный кожаный диван в углу, в котором до самоизоляции располагалась приемная, она спросила, как ее зовут.

Палома Рунне.

Такое имя точно не забудешь. Оно напомнило Эйре веселый мотивчик, легкомысленную песенку прошлых лет. *Una paloma blanca*³...

³ Йоханнес «Ханс» Боуэнс, известный как Джордж Бейкер, является голландским певцом и автором песен, который со своей группой George Baker Selection записал хит в 1970-х годах: «Paloma Blanca». *Una paloma blanca* 'm just a bird in the sky Una

– Вместе с вашей матерью мы на прошлой неделе заходили в квартиру вашего отца, – сообщила Эйра девушке.

– Какая удача! Я так хотела поговорить с кем-нибудь из вас. А то по телефону только и знай твердят, что они не могут ничего сказать, и бла-бла-бла.

– Хотите кофе? Или стакан воды?

Палома кивнула, и Эйра получила возможность покинуть помещение, подняться по лестнице и подождать, пока кофемашина перемелет зерна – ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

Ханс Рунне.

Кстати, а как далеко продвинулись поиски? Она взяла себе отгулы, чтобы заняться перездом матери, и несколько дней вообще не вспоминала о пропавшем человеке.

Что ж, вполне разумно, как сказали бы многие, оставить на время работу и сосредоточиться на самом главном в жизни – на родных и близких. Эйре всегда казалось, что в этом утверждении есть что-то сурово-неукоснительное, словно подразумевалось, что в противном случае каждый наплевал бы на дорогих сердцу людей.

Возвращаясь обратно с чашкой кофе в руке, она заметила Августа.

– Как обстоят дела с тем пропавшим из Нюланда? – спросила она.

– Не знаю. А что, его по-прежнему нигде нет?

– Там внизу его дочь.

Взгляд Августа сразу сделался отстраненным, он повернулся к компьютеру. Распечатки звонков от мобильного оператора пришли несколько дней назад, равно как и выписка с банковского счета. Сами по себе эти сведения мало что давали – во всяком случае, он не заметил ничего, что указывало бы на преступление, но порядок есть порядок. Эйра припомнила ощущение, с которым они покидали квартиру. Адреналин спал, осталось смутное предчувствие вероятного самоубийства или несчастного случая. Конечно, никто не мог помешать Хансу Рунне удрать на остров Маврикий с любовницей, но все же большинство взрослых мужчин сначала вынесли бы мусор. Если же он утонул в реке или отправился с ружьем в бескрайние леса, то пройдет какое-то время, прежде чем его тело обнаружат. Если это вообще произойдет.

И все же было что-то, что не давало ей покоя. Что-то здесь не сходилось.

Не ощущалось ли в квартире легкого беспорядка? Не хаос, конечно, но все же. Все выглядело так, словно ее покидали в спешке, но с намерением еще сюда вернуться.

Расследование вышло за рамки внутреннего. Едва ли это поможет найти пропавшего мужчину, но значительно облегчит процедуру опознания, если будет найдено тело.

– Я забыла спросить: вы с молоком любите или как? – Эйра поставила на столик две чашки. Одна с черным содержимым, другая – с молочно-бежевым. Палома Рунне выбрала вторую.

– Спасибо.

– Мне жаль, но мне почти нечего вам сказать.

Эйра положила на стол распечатки, которые она прихватила возле принтера.

Последний телефонный звонок был сделан в середине сентября, четыре недели назад. Палома указала на свой собственный номер в списке: она звонила за два дня до того, как мобильный Ханса Рунне окончательно замолчал.

– У него был такой веселый голос по телефону, даже малость взбудораженный. Он куда-то спешил, но мы все равно собирались скоро встретиться. В Умео, на выходных, когда у него будут проходить там съемки. Мы договорились, что я приеду на автобусе, а он закажет столик в «Ле Гараж». Разве человек, который планирует покончить с собой, станет так разговаривать?

А может быть, как раз и станет, подумала Эйра. Доживая свои последние дни, самоубийца двигается как бы по двум параллельным дорожкам: по первой, где все должно быть в порядке, и второй, которая обрывается в пропасть. Может быть, он уже все для себя решил, когда в последний раз звонил своей дочери, желая дать ей надежду на прекрасный ужин в самом модном ресторане Умео.

– Может, он просто не захотел вас волновать, – предположила Эйра.

– Я в это не верю, – упрямо возразила Палома. – Мой папа не был таким. – И тут же поправила себя: – В смысле, он не такой.

– Какой?

– Не нытик. Никогда не сдается и не опускает руки. Стараются всему радоваться, несмотря на то что у него были проблемы с работой, да еще этот развод, конечно... Он довольно тяжело его воспринял.

– Какие-нибудь еще номера вам здесь знакомы?

– Мой крестный, – немного подумав, показала Палома. Звонок, сделанный за четыре дня до исчезновения. – Старый приятель папы.

– Вы с ним разговаривали?

– Он сказал, что Хассе был в отличной форме, радовался предстоящей работе. Признался, что он начал встречаться с женщинами и что жизнь для него вновь заиграла всеми красками.

Эйра сообщила девушке то, что Августу удалось узнать о других номерах. Последний в списке принадлежал интернет-провайдеру, предпоследний – фирме, занимающейся малярными работами.

– А вы не можете отследить его по сигналу мобильного?

– К сожалению, насколько мы видим, он уже довольно долго им не пользовался.

– Но тогда получается, что с ним что-то случилось. Это вы понимаете?

– Он мог его выключить или потерять...

– Да сейчас никто не выключает свои телефоны!

Что ей на это ответить? Да, бывает и такое, что людям хочется исчезнуть, стать недоступными для звонков, просто побыть в тишине.

Последний сигнал телефона был зафиксирован в Хэрнёсанде. Оттуда до его дома в Нюланде целых шесть миль пути, а посередине несет свои воды широкая река Онгерманэльвен с коварными течениями и головокружительной глубиной, а дальше – бескрайние просторы Балтийского моря.

Так где же им его искать?

Эйра собрала распечатки. Банковский счет почти совсем опустел, лимит по кредиту превышен. Ханс Рунне развлекался в ресторане Хэрнёсанда и играл в ночном казино, но проигрывал не очень большие суммы. Последние четыре недели он не пользовался кредиткой и не осуществлял никаких платежей.

Дальше этого никто не копал, но назвать это халатностью было нельзя: полиция могла ограничиться и меньшим, и ее бы никто за это не упрекнул. Дальше начиналась «серая зона», про которую было трудно объяснить молоденькой девушке, готовой в любой момент удариться в слезы. Палома схватила свой мобильный и принялась листать снимки.

– Вот здесь он играл Гамлета... он был неплохим актером, скорее, ему просто не везло, да еще он переехал жить сюда, дальше на север, но у него было несколько небольших ролей в телевизионных сериалах, где вы могли его видеть. Помните «Врача шхер»? Он там один раз снимался.

– Я понимаю, но...

– Я просто хочу, чтобы вы поняли, что он – Человек. – На экране смартфона пронеслись еще фотографии ролей, праздник Середины лета, Рождественский сочельник, смеющееся лицо

в красном колпаке. – Человек, который не может просто так взять и исчезнуть с лица Земли, как будто его и не существовало. Как будто всем все равно.

– У вас есть с кем это обсудить, кому можно выговориться? – спросила Эйра.

– При чем здесь я? Разве проблема во мне?

В кармане Эйры ожил мобильный, с верхнего этажа донеслись торопливые шаги: поступил вызов, ей пора выезжать.

– Я посмотрю, что можно сделать.

Наконец-то у нее появилось время уединиться в темной комнате. Никто не ломится в дверь ванной, крича, что хочет принять душ, или требуя освободить туалет. Студенты, которым Туне сдавала большую спальню, уехали на выходные к своим родителям.

На целых два чудесных дня квартира оказалась в ее полном распоряжении.

И тем не менее сначала она развесила сушиться постиранное белье. Собрала разбросанные по всей квартире учебники студентов и зашвырнула их обратно к ним в комнату. Вынесла мусор, хотя в мусорном ведре еще оставалось место. Всё это время внутри ее рос страх ожидания того момента, когда в ванночке с проявителем будут готовы снимки. Она понимала, что освещение могло ее подвести, или же ей просто не удалось уловить то, что она с такой силой испытала в заброшенном доме: невидимые глазу уныние и печать времени.

Она корила себя за то, что рискнула воспользоваться фотопленкой, а не цифровой камерой, но, что ни говори, а это выбор настоящего художника, и она должна его придерживаться.

Качество. Подлинность. Папина старая «Лейка», любимица его коллекции. Когда Туне держит ее, то ощущает его пальцы на своих, как это было в детстве. Его голос, объясняющий пятилетней дочери про диафрагму и выдержку. Туне не помнила, чтобы отец хоть раз наводил объектив на нее. Он не хотел, чтобы она позировала. Вместо этого отец стремился научить «видеть» ее саму. По правде говоря, сам он так и не стал профессиональным фотографом и не воплотил ничего серьезного из того, о чем мечтал. В последние годы своей жизни он продавал страховки.

«Какой художник не следует по стопам своего отца», – думала Туне, устанавливая фотоувеличитель на стиральную машину. После этого она тщательно заперла дверь ванной, чтобы снаружи не попал ни малейший лучик света.

В темноте она достала пленку из кассеты, поместила ее в фотопроявочный бачок, налила проявитель и засекала время. Когда таймер сработал, слила проявитель, промыла пленку, после чего добавила фиксажный раствор, еще раз промыла и наконец-то отважилась зажечь свет. «Осторожно вытирай замшей негативы после промывки», – учил ее отец. Туне включила фен для сушки волос, чтобы ускорить процесс.

В ней до сих пор жило то ощущение волшебства, которое она испытала еще в детстве, когда впервые открыла для себя мир негатива. Мир, видимый только ей, но который наверняка был настоящим, где белые вороны взмахивали крыльями на фоне темного фасада. Поди разберись, где здесь свет, а где – тьма, добро и зло, правда и ложь, но все, что она видела вокруг себя, имело свою противоположность.

Туне с лупой осмотрела проявленные негативы, взяла фотобумагу и приготовила ванночки. Время исчезло. Снаружи мог быть уже вечер или даже ночь. Она не ощущала ни голода, ни тревоги – ничего, что могло бы отвлечь ее от следующего снимка.

Вот один из воронов, запечатленный в момент приземления. Вот идеальные диагонали на фоне ветхого фасада, там, где трещина прорезала фундамент. Вот черные крылья рядом с подвальным окошечком. А в самом центре маячит какое-то светлое пятно. Черт, только бы это не оказалось следом от царапины на линзе – иначе вся пленка окажется испорченной. Туне погрузила снимок в ванночку с фиксажем и, вынув, быстро высушила. Зажгла лампу и взялась за лупу.

Одна лишь мысль о ретуши отбивала у нее всякую охоту заниматься этим делом дальше. От резкого запаха химреактивов у нее всегда болела голова. К тому же она хотела приблизить правду, а не исказить ее ретушью.

Под увеличительным стеклом пятно приобрело очертания. Это не был след от царапины или отраженный свет – там действительно что-то было.

Чья-то рука.

Туне вспомнила звуки, которые, как ей показалось, она слышала в доме, ощущение чего-то мерзкого и отталкивающего. Она потеряла глаза, шумно сглотнула и вновь склонилась над лупой.

По части резкости «Лейку» трудно превзойти, в этом ее отец был прав.

Рука тянулась из подвального окошка к траве, на которую садился ворон.

Туне перевернула негативы, дрожащей рукой выбрала следующий снимок. Выдержка четырнадцать секунд, диафрагма восемь. Тьма стучала в ней, глотая секунды, глотая минуты, пока снимок плавал в фотопроявочной ванночке.

Солнце било прямо в щель подвального окна. Черная птица важно ступала по земле.

Руки уже не было.

Последние вечерние покупатели катили свои нагруженные тележки по парковке супермаркета «Ика Квантум» в Соллефтео. Пока что здесь было тихо, но это только пока: через час или два загремит несущаяся из гигантских колонок музыка, а асфальт усеют разбросанные пивные банки.

– Значит, вот где все происходит, – протянул Август, глядя на почти пустую парковку.

– Погоди, сам все увидишь.

Эйра доела лапшу быстрого приготовления и смяла картонную упаковку. Когда из-за пандемии все фестивали и вечерние посиделки в пабах отменили, молодежь принялась устраивать свои тусовки на пустых стоянках для машин и продолжила этим заниматься даже после снятия запрета. Сообщения о месте и времени сбора распространялись по соцсетям, порой собиралось до трехсот машин здесь или перед супермаркетом «Ика» в Крамфорсе. Использовалась также и площадь возле железнодорожной станции в Эрншельдсвике. В течение нескольких выходных Эйра только тем и занималась, что моталась с одной парковки на другую, чтобы обеспечить хоть какое-то подобие порядка на этих сборищах.

Она позвонила в дежурную часть и спросила, нет ли сведений о том, что встречу перенесли в другое место. Нет, ничего такого они не слышали.

– Но у нас тут произошла одна интересная штука, и как раз в паре миль от вас.

– Что там?

– Это в чаще леса в окрестностях Ундрома. Насколько я понял, туда довольно сложно проехать на машине, – дежурный скорее размышлял вслух, чем отдавал приказ. – Поэтому, наверное, будет лучше отправиться туда завтра с утра, при дневном свете, если там действительно что-то есть.

– Пока что мы стоим здесь и внимательно наблюдаем за тем, как персонал супермаркета собирает тележки.

– О'кей.

Эйра села в машину, продолжая слушать рассказ дежурного о том, что случилось. Звякнул телефон, и на экране появился маршрут.

– Куда едем? – спросил Август.

– В двадцати минутах езды отсюда есть один заброшенный дом.

– Звучит захватывающе, – произнес напарник и рассмеялся. – И что там? – Его взгляд и улыбка лучились задором, перед которым было просто невозможно устоять.

– Возможно, что ничего, – буркнула Эйра.

Когда Август служил здесь в прошлый раз, они, случалось, спали друг с другом, и не раз – обычный секс без любви и обязательств. Эйра не знала, на каком этапе находятся их отношения сейчас – осталось ли между ними что-то или все закончилось. От Августа никаких четких сигналов на этот счет не поступало. Она чересчур увлеклась мыслями о его теле, и ее охватило возбуждение, когда она свернула на восток, на дорогу вдоль реки. Эти руки, такие умелые и ловкие, без мозолей и шероховатостей, это тело, накачанное в спортзале и на беговой дорожке. Она вспомнила их неловкое прощание: поцелуй и «пока, всего хорошего». Никаких назойливых чувств, никаких сообщений на тему «люблю, скучаю».

– Возле Ундрома свернем налево, а дальше – к Ноласкугу, – сказала она, протягивая ему мобильный с картой местности на экране.

– Куда? – переспросил Август, ища по карте. – Здесь такого нет.

Эйра рассмеялась.

– Все время забываю, что ты у нас житель Стокгольма. Ноласкуг: «скуг» – лес, «нола» – от «норд», «север», северная часть леса – местное название, которого не сыщешь на карте.

– Здорово выбраться на природу, – произнес Август и, судя по всему, вполне искренне.

Последний свет фар от встречных машин пропал из виду, они оставили шоссе и углубились в дебри. Когда они проезжали через деревню, им попалось несколько фонарных столбов, но дальше дорога снова тонула во мраке – октябрь, месяц темных вечеров до тех пор, пока не выпадет снег и не начнется зима. Лишь то здесь то там светились дистанционно управляемые лампы дачников, призванные удерживать грабителей на расстоянии.

Свет фар выхватил из тьмы дорожный указатель.

– «Оффе», – прочел Август. – И кому только в голову взбрело дать этому месту такое название? В смысле, кто захочет здесь жить?

– Там дальше есть Жертвенное озеро... – проговорила Эйра и покопалась в памяти в поисках нужной информации. Где-то здесь, возле Сонги, находится Жертвенный источник, куда народ совершал паломничества еще до принятия христианства и вплоть до двадцатого века. Но названия деревушек редко бывают говорящими, особенно в тех краях, чьи жители забрались так далеко, что даже их язык успел измениться. К примеру, она слышала, что название «Скадом» происходит от древней формы шведского слова «скугга» – «тень», похоже на английское «shadow» – получается что-то вроде «усадебка в тени», а Бринген происходит от древнего «брингур», что означает «высота». Эти названия напоминают нам об ушедших эпохах, о том, как по этим краям так долго странствовали люди, что успели придумать свои слова для той земли, где они пустили корни.

Дальний свет фар обесцвечивал ели, высившиеся по обеим сторонам дороги.

– Где-то здесь есть заросшая тракторная колея, – произнес Август, – но, очевидно, никакого указателя...

Он крикнул «стоп», и Эйра резко ударила по тормозам. В свете задних фонарей можно было различить торчащую из канавы траву и молодую поросль лиственных деревьев, которые нашептывали о том, что когда-то здесь была дорога.

– Здесь живут медведи, – проговорила она.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

Эйра вышла из машины и посветила карманным фонариком между елей. Сомнительно, что они смогут проехать здесь на машине. Чем дальше в лес, тем уже тропы, а бывает, что они пропадают совсем. Не успеешь оглянуться, как предоставленный самому себе лес мгновенно возвращает себе власть и уничтожает следы пребывания человека.

Август шагал впереди, отводя ветви елей в сторону. Они шли уже минут пять, максимум десять, когда луч света наконец выхватил из тьмы дом, серый и обветшалый.

– Думаю, это здесь.

Подойдя поближе, Эйра решила, что строение, скорее всего, было покинуто людьми не так давно, лет пять, максимум десять назад – крыша все еще выглядела целой. В своей жизни она побывала во многих заброшенных домах и научилась читать следы упадка, как читают годовые кольца на спиле дерева. Зачастую дома начинают разрушаться еще до того, как последние жители покинули их стены – усталость стариков, ноги, больше не способные преодолевать ступени, чувство безысходности при мысли, что нет больше никого, кто захотел бы и дальше поддерживать порядок в доме. Последующие поколения предпочитали жить совсем в других местах.

Август встал на камень и заглянул в разбитое окно.

– Ну и местечко – там даже мебель осталась и изразцовая печь! Неужто людям невдомек, что эти вещи стоят денег? Как вообще можно уйти и все оставить?

Он рассуждал как школьник на экскурсии, словно забыв, зачем они здесь. Прежде чем взяться за дверную ручку, Эйра натянула резиновые перчатки.

– Скорее всего, кто-то просто решил здесь заночевать, – сказала она. – Если, конечно, это не ложная тревога.

– Ну, это не страшно, раз дом все равно пустует, – заметил Август. – Кстати, почему бы не отправлять сюда всех бездомных?

– Случается, что так и делают, – и Эйра подумала о недавно всплывших фактах, когда богатые стокгольмские коммуны вручали людям билет в один конец до Крамфорса, чтобы снизить число получающих социальное пособие.

Войдя внутрь, они замолчали. Посеревшие кружевные занавески на окнах, деревянные стулья и обеденный стол на четверых создавали впечатление, что жизнь прервалась на выдохе. В тишине был слышен только звук их шагов.

– Черт, – нервно выругался Август, когда одна из половиц проломилась под его тяжестью.

– Звонивший в полицию видел что-то в подвале. – Эйра посветила вокруг, чтобы понять, куда ведут двери. Открыла буфет: пустые банки из-под варенья, бутылки, смятый пакет муки. Перед кухней обнаружилась еще одна узенькая дверца. Она была заперта. Эйра огляделась в поисках крючка с подвешенным на нем ключом, выдвинула пару ящиков.

– Может, прежде чем ломать, заглянем туда снаружи?

Вымахавшая вокруг дома трава в одном месте была полностью вырвана. Перед подвальным окошком лежала голая, взрыхленная земля. Оконное стекло отсутствовало. Эйра опустилась на колени, просунула руку внутрь проема и медленно поводила фонариком по сторонам. Внутри оказалась куча всякого хлама, бочка из-под масла, сломанный стул, порванный тюк с изоляционным материалом, детская кроватка с бортиками. В углу – узелок тряпья и старое одеяло. Луч света скользнул дальше: подушки для стульев, разодранные мышами или тем, кто тут еще водится, штабеля пенопласта. Вид детской кроватки навеял на нее мысли о снах, которые когда-то кому-то в ней снились. Она успела подумать о ребенке, который здесь вырос, а потом покинул эти места, о том, что в каждом доме наподобие этого прошло чье-то детство.

А потом она увидела, или ей показалось, что увидела, какую-то неправильность.

Рука затекла от неудобного положения. Эйра осторожно вытянула ее, прилегла на землю и переложила фонарик в другую руку.

Самый дальний угол. Узелок тряпья с наброшенным поверх него одеялом, или что это там было.

– Август, иди-ка сюда. – Эйра поднялась, протянула напарнику фонарик и показала, куда светить. – Там что, кто-то лежит?

Она вздрогнула, когда Август гаркнул в подвал, что они из полиции.

– Никто не шевелится, – пожал он плечами.

– Пошли внутрь, – решила Эйра.

На то, чтобы сломать дверь, у них ушла четверть часа. Дверь была сколочена на совесть, с железным замком – таких сейчас не делают. Эйра ожидала обычных запахов земли и сырости, но вонь совсем иного сорта обрушилась на них, едва они начали спускаться по крутым ступеням подвала. Моча и фекалии. Ступив на пол, Август остановился, и Эйра ничего не могла разглядеть, кроме его спины, затылка и руки, направлявшей луч фонарика.

– Ах ты, черт!

Напарник сместился чуть в сторону, давая ей место рядом с собой. Груда тряпья валялась в углу, прямо рядом с лестницей. В ярком свете что-то блеснуло. Это оказалась часть лица, наполовину закрытая одеялом и завесой из спутанных волос. Один глаз пристально смотрел на Эйру и в то же время куда-то мимо, за пределы монолитных стен. Взгляд человека, покрывшегося своей участи.

Эйра сделала два шага вперед.

Лицо человека выглядело впалым, даже истощенным. Из-под одеяла торчала нога. Было трудно определить, кому она принадлежит – мужчине или женщине.

– Бедняга, – пробормотал Август за ее спиной. Казалось, его сейчас стошнит: он крепко держался за перила и был бледен как полотно, хотя, возможно, это свет от карманного фонарика придавал его лицу такой эффект. – Думаешь, кто-то пришел сюда заночевать, уснул и больше не проснулся?

Когда они поднялись наверх, Эйра проверила дверь.

– В скважине нет ключа, – заметила она.

– Может, он в кармане у того, кто там лежит.

– Да, вполне возможно.

Она первой выбралась наружу, на свежий воздух. Август привалился спиной к руинам, которые когда-то были пекарней. Царил полный штиль, на чистом небе сияли звезды, а свет от луны, висевшей за лесом, струился между деревьями. На саму Эйру запахи, присутствовавшие на месте преступления, почти никогда не действовали. Она просто делала свою работу, методично и решительно, и лишь позже в ее душу прокрадывалось ощущение чего-то мерзкого и гнетущего и приходило понимание того, что здесь побывало зло – в людях, повсюду, а также осознание чужого горя и утраты, от которого ей со временем становилось все сложнее дистанцироваться.

В центре заросшего двора ей удалось поймать сигнал, всего две палочки, но этого хватило, чтобы дозвониться до дежурного.

– Нам придется остаться и подождать, пока кто-нибудь сюда не приедет, – сказала Эйра, закончив разговор, – А пока принесем из машины все необходимое и начнем вешать заградительную ленту.

Шурша и потрескивая, о чем-то шептывала за стенами дома ночь. Эйра позволила себе недолго вздремнуть, сидя на полу старой комнаты. В темноте ей больше ничего не оставалось делать, кроме как предаваться размышлениям о человеке внизу.

Вместе с Августом они еще разок спустились в подвал и осторожно приподняли одеяло, обнажив нижнюю часть лица: по сильно отросшей, почти месячной щетине стало понятно, что перед ними мужчина. Человек лежал, скрючившись в позе зародыша, как будто он прилег, чтобы поспать там, где прежде теплилась жизнь, завернувшись в одеяло, разодранное каким-то зверем и служащее плохой защитой от холода.

Два пальца, прижатых к его коже, показали, что температура его тела оказалась такой же, как в помещении. Это означало, что неизвестный был мертв уже как минимум сутки. В подвале, ночью, в октябре, температура еще не должна была опускаться ниже нуля и, по их оценкам, могла колебаться примерно от плюс четырех до плюс шести градусов Цельсия.

Эйра разговаривала по телефону с дежурным судмедэкспертом из Умео. Поскольку тело давно остыло, специалисту не имело смысла ехать на ночь глядя за двадцать пять миль от

дома. В арсенале полицейских имелись другие способы установления предполагаемого времени смерти, но это можно будет сделать, лишь когда тело доставят в Центр судебной медицины в Умео.

Дежурный следователь из Хэрнёсанда рассудил точно так же. Даже если выяснится, что речь идет о преступлении, свежих следов все равно уже не найти. Эйре и Августу предписывалось остаться и охранять место происшествия, пока не рассветет.

Второму патрулю, заступившему на дежурство в эту ночь, пришлось уехать за восемь миль от Хэрнёсанда в Соллефтео, на сборище автомобилистов, которые угомонились лишь в районе полуночи.

Первый час Эйра с Августом занимались тем, что огораживали пространство вокруг дома, вешая заградительную ленту. Потом принесли пледы из машины и устроились на ночевку, периодически сменяя друг друга.

Ночь затихла вокруг них, поступь времени замедлилась. Тьма чуть поблекла – значит, скоро рассвет. Когда Эйра вышла наружу, Август сидел на крылечке. Теперь оставалось самое большее час до того, как их сменят.

Август отломил половинку протеинового батончика и протянул ей.

– А я лису видел, – сообщил он. – Она вон там стояла, у сарая, и глядела на меня. Я услышал, как кто-то шуршит, – сначала подумал, что это медведь. Она даже не убежала, когда я осветил на нее. Совсем непуганая.

– Окажись это медведь, светить на него фонариком было бы глупо, – заметила Эйра.

– А что же тогда делать?

– Заговорить с ним.

– Seriously?

– Никогда нельзя поворачиваться к медведю спиной и пятиться. А уж броситься перед ним на землю – вообще распоследнее дело.

В свете зарождающегося дня она заметила, каким измотанным и уставшим выглядит ее напарник. Он одним махом выдул полбанки колы, которую они тоже разделили пополам. Эйре захотелось взять Августа за руку и положить его голову, этот напряженный затылок, себе на колени, но не сделала этого. Она была в полицейской форме, он – тоже, и к тому же они не касались друг друга с тех пор, как он вернулся с западного побережья.

– Наткнуться на такое место случайно крайне трудно, – произнес он.

– Да.

– Выходит, что тот или те, кто упрятал сюда этого бедолагу, хорошо знали этот дом.

– Мм.

За лесом взлетел канюк и снова пропал из виду. Эйра подумала о всех тех заброшенных домах, которые были известны лично ей и в которые она в свое время забиралась. Подобные истории быстро расходятся в народе, ведь все заброшенное таит в себе неизъяснимую прелесть, интерес к прошлому и надежду обнаружить что-нибудь ценное. Об этом доме могли знать сотни людей, все те, кто вырос в этой округе или просто бывал здесь проездом.

На дереве рядом застучал дятел, в отдалении послышались приближающиеся голоса. Эйра отряхнула с униформы пыль и мелкий мусор и отправилась встречать коллег.

Вместе с Августом они отчитались о своих перемещениях по дому, рассказав, как все происходило с самого начала, чтобы криминалисты смогли исключить их следы. Но продолжительность работы и отдыха строго регламентируется законом, поэтому Эйре и Августу пришлось покинуть место происшествия. Это огорчило Эйру. Ей хотелось понаблюдать за тем, что будет происходить дальше, попытаться понять и разобраться в случившемся при дневном свете. У нее даже не было целостной картины подвала – одни лишь разрозненные бессвязные фрагменты, выхваченные из тьмы лучом карманного фонарика. Такова участь всех патрульных: ты оказываешься первым на месте происшествия и тут же мчишься на следующее.

– Судя по всему, он пробыл внизу достаточно долго, – сделал вывод Георг Георгссон, когда выбрался из подвала. Это был следователь из Отдела по особо тяжким преступлениям, его редко называли иначе, чем просто ГГ. – Судя по одним только экскрементам.

В качестве туалета погибший приспособил угол подвала, огородив его сломанными досками и прочим мусором.

ГГ шумно вдохнул, наполняя легкие прохладным утренним воздухом, и закурил. Его пиджак модного покроя плохо вписывался в окружающую среду, на ботинках осела древняя пыль.

– Приличия, – добавил он, – даже в последние минуты своей жизни человек думает о приличиях.

Эйра наблюдала за Августом, который убирал заградительную ленту, чтобы дать проехать лесохозяйственной технике. Ехать домой спать было еще рано.

– Нашли что-нибудь, что поможет установить его личность? – спросила она.

– Никаких документов при нем не оказалось, – ответил ГГ. – А по внешности будет, пожалуй, трудновато его опознать. Пробыть без еды... черт знает сколько времени. – ГГ посмотрел на свою руку, на пепел от сигареты, упавший вниз. – Они сняли отпечатки его пальцев.

Эйра уловила в его словах скрытый подтекст и замолчала, выжидая. Два года назад они вместе расследовали убийство одного старика в Кунгсгордене. Дело разрослось и настолько сильно затронуло саму Эйру, что начальству пришлось отстранить ее от расследования. Теперь же, стоя рядом с ГГ, она вдруг отчетливо осознала, насколько сильно соскучилась по рабочим совещаниям с коллегами из Отдела по особо тяжким вообще и по самому ГГ в частности. Соскучилась по их разговорам, по ощущению того, что он может положиться на нее. Полгода назад Эйре поступило предложение подать заявку на соискание временно освободившейся должности в Сундсвалле, где размещался этот отдел. Она убила три вечера, пытаясь сочинить резюме, но так его и не отправила. Были, конечно, проблемы с матерью, да и потом, это большое преимущество – иметь вполне предсказуемый график работы. Но было и кое-что еще. Будучи патрульным полицейским, она отправлялась на вызов, делала то, что от нее требуется, после чего переодевалась и ехала домой. Каждый новый день начинался с чистого листа. Работа не преследовала ее по пятам и редко вторгалась в ее сны.

– Точнее, тех, которые остались, – добавил ГГ.

– В смысле?

Минуту или две они простояли молча, но вокруг вовсе не было тихо. Рычали моторы, трещали стволы деревьев. Лесохозяйственная техника прибыла на место и теперь расчищала дорогу, чтобы по ней могли проехать обычные машины, и прежде всего та, которая должна будет доставить тело в Умео.

– У него на левой руке не хватает двух пальцев.

– Рабочая травма? – Эйра достаточно повидала на своем веку покалеченных конечностей: сосед, которому многопильный станок оттяпал три пальца, брат матери с отпиленным большим пальцем. Старики охотно демонстрировали свои руки, свидетельствовавшие о тяжелых условиях труда в прошлом.

– К сожалению, нет, – ответил ГГ. Его взгляд скользнул по сарайчику с просевшей крышей, в котором когда-то хранились дрова и, возможно, даже жили куры. – Раны совсем свежие, рукав рубашки пропитался кровью.

Эйра судорожно сглотнула.

– Звучит так, словно его...

ГГ кивнул.

– Черт его знает, с чем мы имеем дело.

Горелым не пахло. Никакой катастрофы не произошло. Лишь пара очумевших мух, которые еще не поняли, что лето закончилось.

Эйра налила себе стакан апельсинового сока. Открытая бутылка стояла нетронутой, и в ней было ровно столько, сколько она оставила вчера. В холодильнике – остатки купленной еще позавчера тайской еды на вынос. Она разогрела их и слопала прямо из упаковки.

И никто не сказал ей: возьми тарелку.

С тех пор как она отвезла маму в приют, прошла неделя. Эйра не успела еще привыкнуть к покою и тишине. А еще – к свободе. Наверное, так можно это назвать. Целый вагон освободившегося времени, исчезнувшая за ночь ответственность. Прямо сейчас Черстин Шьёдин сидела в столовой за столом из сосны в окружении акварельных пейзажей местных художников. Она не одинока, о ней позаботятся. Зато у самой Эйры теперь есть время забросить ноги на стол и смотреть плохие телепередачи, встречаться со старыми друзьями и подолгу нежиться в ванной.

Эйра еще раз проверила свой телефон. Никаких пропущенных звонков, никаких сообщений. Разумеется, у следователей не было ни малейшего повода держать в курсе событий обычного патрульного. Рано или поздно она столкнется с ГГ или с кем-нибудь из его коллег в полицейском участке Крамфорса, или же не столкнется: скорее всего, они разобьют свой лагерь в Соллефтео, который находится ближе к месту преступления. Но даже если и так, все равно руководство расследованием будет почти целиком исходить из Сундсвалля. Как ни крути, а ее участие в этом деле закончилось.

После ночи в заброшенном доме ей требовалось хорошенько выспаться перед следующим дежурством, но Эйра быстро поняла, что из этого ничего не выйдет.

Придя к такому выводу, она встала и отправилась к соседу. Тот был во дворе, сгребал граблями опавшую листву с лужайки. Черный пес стремительно бросился к ней, едва завидев ее. Эйра присела на корточки и дала обнюхать свою шею и подмышки.

– Малыш явно соскучился по тебе, – заметил Аллан Вестин, восьмидесятилетний старик, который вот уже несколько лет жил один. Его жена переехала в Стокгольм, чтобы быть поближе к внукам. Вначале предполагалось, что он уладит дела здесь и тоже последует за ней. Но вот уже почти четыре года прошло, а он до сих пор еще не готов оставить свой дом.

Именно поэтому он с радостью разделил заботу о Патраске, ведь пока Эйра работала, пес подолгу оставался один. Вообще-то пса давным-давно должен был забрать его настоящий хозяин, но время шло, а Улоф Хагстрём не давал о себе знать. Он проходил подозреваемым по делу об убийстве, где жертвой был его родной отец. Это было тем самым расследованием, которое в свое время настолько поглотило Эйру, что ей оказалось трудно о нем забыть. Последствия до сих пор давали о себе знать, и среди них этот пес, которого покойный оставил после себя. Патраск оживлял дом и радовал ее маму: его настойчивый лай, когда хочет в туалет, близость живого лохматого существа.

Потом Аллан Вестин заговорил о кустах смородины, о том, как он скучает по собакам, которые были у него в жизни. Эйра сдалась и перестала отстаивать свою часть заботы о собаке. Патраск теперь почти постоянно ночевал в доме соседа, где ему предоставили собачью корзину и прочие удобства, хотя пес все равно обожал запрыгивать на двуспальную кровать. «Такая махина рядом чешется, что хрен уснешь», – пожаловался сосед, но при этом с такой теплотой в голосе, что Эйра все поняла. Теперь ее вклад в воспитание пса ограничивался лишь долгими прогулками и бросанием палок в реку.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Патраск прыгнул на нее мокрыми лапами. Она забросила палку подальше и встала спиной к ветру.

– Ты дома? – спросил ГГ.

– Да, собаку выгуливаю, – ответила Эйра. В трубке было слышно, что он едет в машине. Глухой звук работающего мотора.

– Ты по-прежнему живешь в Лунде? – крикнул он в трубку.

– Да, живу.

– Отлично, – бросил ГГ. – Через пять минут я буду там.

Она ждала его возле Вестерлундской кондитерской. Летний сезон закончился, и старинное кафе уже закрылось, но солнце пригревало ступени широкой лестницы.

– Ну вот, а я так рассчитывал на торт «Наполеон», – посетовал ГГ, выходя из машины и бросая взгляд на неоновую вывеску, которая когда-то была самой большой в Норрланде.

– Опоздал, – ответила Эйра, – для этого надо было приехать сюда в августе. Или в шестидесятые годы.

Он присел рядом с ней, жестом спросив разрешение закурить. Остатки глины на ботинках, грязь по краю брюк, фрагмент сухого листика и даже, кажется, стружка в великолепной сидящей шевелюре.

– Мы узнали, кто этот мужчина, – сообщил ГГ.

– Уже?

Вдохнув, Эйра ощутила вкус его дыма во рту.

– Он вырезал свое имя на стене. Криминалисты заметили, только когда мы уже увезли труп.

Возле дверей кондитерской, поскрипывая, заколыхались на ветру флаги.

– Мы обнаружили его в списке пропавших. Нашелся один аккуратный полицейский, который составил подробный рапорт. И теперь мне интересно, не возникло ли у этого полицейского ощущения, что за этим скрывается что-то еще, – мне ведь так нравится читать между строк.

Эйра увидела его улыбку и поняла, что он говорит о ней. Ее недавний выезд. Пропавший мужчина.

– Ты про Ханса Рунне из Нюланда?

ГГ кивнул.

– Мы отправили в Умео его стоматологическую карту. Первое, что сделали медики, когда к ним поступил труп – просветили рентгеном его зубы. Это он.

Эйра отпихнула пса, который вынюхивал что-то у нее в карманах. Почему она сразу не признала мужчину? Ведь она видела его на фотографии. Щетина, подумала она, впалые щеки – без еды внешность человека быстро меняется. Воспоминания нахлынули на нее, словно бурный весенний поток, прорвавший плотину. Незастеленная постель, рекламные проспекты на полу в прихожей, мусор, который Ханс Рунне не вынес. Минуло уже больше недели с тех пор, как они заходили в его квартиру. Мужчина в заброшенном доме скончался самое большее два-три дня назад. Ее грудь сдавило от ощущения, что она совершила чудовищную ошибку. Снимки живого отца Паломы Рунне замельтешили перед глазами. Колпак Деда Мороза, венки в волосах на празднике Середины лета, Гамлет с черепом в руке.

– Мы еще только начали прорабатывать жителей Оффе, – сказал ГГ, – но уже сейчас ясно, что там мог побывать любой из местных. Единственный, кто не оставил там отпечатков, это, вероятно, сам преступник. В данном случае результаты экспертизы нам ничего не дадут. Да еще сам этот поселок Оффе – более удачного названия для места преступления и придумать нельзя.

– Вы уже говорили с его дочерью?

– Еще нет. Ее разыскивают в Лулео. Она там учится в университете.

– За ним не числилось ничего криминального, ничего, что бы указывало на преступление. – Эйра ощущала в себе настоящую потребность объясниться. – Когда мы вошли в его квартиру, у меня было такое чувство, словно он всего лишь отошел куда-то ненадолго. Ханс Рунне производил впечатление обычного мужчины. Актер. Развелся с женой. Возможные проблемы с алкоголем, но ничего примечательного.

– Обычный мужчина, – повторил ГГ.

– Знаю, – отозвалась Эйра, – обычных мужчин не бывает.

– Как и женщин.

«Во всяком случае, не в нашем мире», – подумалось ей. Это было ее работой – не давать себя обмануть, видеть насквозь мнимое, задавать вопросы.

– Возьмем, к примеру, вон ту пожилую леди, – и ГГ кивнул на старушку, которая медленно брела по дороге, толкая перед собой ходунки с продуктовыми пакетами из супермаркета «Вилли», что в Крамфорсе. Должно быть, она приехала на автобусе и теперь шла домой с остановки.

– Как ты думаешь, что мы обнаружим, если хорошенько копнем ее прошлое?

– Что однажды она выиграла в лотерею. Ей удалось наскрести на телевизор лет десять или пятнадцать назад. Никто не знает, что Беттан сделала с выигранными деньгами, но болтают всякое. Говорят, что она пала жертвой брачного афериста.

ГГ рассмеялся.

– Вот тебе и причина, почему я хочу иметь тебя под рукой, – сказал он и так улыбнулся, что она не удержалась и тоже улыбнулась ему в ответ. – Или, во всяком случае, одна из причин. Я не знаю никого, кто бы превзошел тебя по знанию местности. Честно говоря, я вообще чертовски плохо ориентируюсь в лесу, но только ты никому об этом не говори.

Солнце било Эйре прямо в глаза, осень полыхала красками. Эйра обязательно бы спросила, какие еще есть причины, если бы не сидевшее глубоко в ней желание похвалы.

– Если не считать отдельных взломов, я там почти не бывала и не больше других знаю о жителях из церковного прихода Ботео.

– Вот видишь, ты знаешь, что это называется приходом Ботео, – заметил ГГ.

– Разумеется, сейчас его уже не называют приходом, хотя многие до сих пор так говорят по привычке.

ГГ потушил сигарету и аккуратно бросил еще тлеющий окурок в урну для мусора.

– Я помню, что прежде ты уже отвечала отказом, – сказал он, – но тут подумал: все равно еду мимо, дай загляну – вдруг на этот раз удастся тебя уговорить. – Патраск запрыгал вокруг него, когда он поднялся. Эйра потянула пса за поводок и схватила его в охапку, удерживая.

– Тогда я не смогла, потому что на то была своя причина, – сказала она.

– А теперь? – Он встал, заслонив солнце своим телом.

Эйра окинула взглядом округу, где она выросла. Одален никогда не был лакомым куском для городских застройщиков, дома возводились на месте старых – неразбериха, переходящая в трущобы. Отсюда она могла различить печную трубу и конек крыши дома, в котором прошло ее детство. Эйра подумала об опустевшем после отъезда мамы доме и своем осужденном за убийство брате, который сидит в тюрьме в Умео. Погибший в Оффе был ей не знаком, а, значит, подобной истории с ее отстранением от расследования по личным мотивам здесь не повторится.

– Я должна спросить у своего шефа, – сказала она.

– Уже сделано, – ответил ГГ, – никаких проблем. То есть проблемы, конечно, есть всегда, но мы решаем их внутренним образом.

– О'кей, – ответила Эйра.

– Должен ли я понимать это как «да»?

Между усадеб к югу от Соллефтео протянулись сжатые поля. На одном из полей перед отлетом в теплые края собрались сотни лебедей-кликунов. Когда Эйра вышла из машины, они шумели, как нестройный хор духовых инструментов.

На краю придорожной канавы стояла женщина и смотрела на стаю. Она была просто одета, и ветер трепал ее светлые волосы, закручивая их вокруг головы: если бы кто-то ее сейчас увидел, ни за что бы не догадался, что перед ним следователь из Отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

– Значит, ты вернулась, – сказала Силье Андерссон и улыбнулась. В последний раз они виделись в комнате для допросов, причем Эйра выступала в роли допрашиваемой, пытаясь лавировать в потоке вопросов о своем брате.

– Как далеко вы успели продвинуться? – спросила она.

Силье указала на несколько домов на противоположной стороне дороги.

– Три целых восемь десятых километра от места убийства. Это будет просто сказочной удачей, если окажется, что кто-то что-то видел.

– Зачастую люди видят куда больше, чем им кажется.

– Или меньше, – сказала Силье.

Они бросили машины на обочине и побрели к ближайшей усадьбе. На участке стоял пепельно-серый сарай, потемневший от непогоды и пребывавший в таком упадке, что восстановить его уже не представлялось возможным, зато жилое строение явно недавно покрасили.

Открыла им женщина в худи и спортивных штанах. Из-за ее ног с любопытством выглядывали двухгодовалый малыш и золотистый ретривер.

– Вот черт! – отреагировала она, когда они объяснили ей, в чем дело. – Я слышала по радио, что неподалеку от Соллефтео нашли чей-то труп, но не думала, что настолько близко от нас. Так его убили? Поэтому вы здесь?

– Пока еще не знаем, – уклончиво ответила Силье.

Женщина пригласила их войти, убрала со стола ноутбук и бумаги.

– Я пытаюсь работать в промежутках, но у Эстер насморк и она не ходит в садик, поэтому особо не разбежишься.

Ее произношение, больше свойственное южанам, отличалось от онгерманландского. На кухне царил беспорядок, граничащий с хаосом.

– Вы ведь поймаете тех, кто это сделал? – спросила женщина, с тревогой глядя на ребенка – внезапно подкравшееся ощущение незащищенности.

– Вы давно здесь живете? – спросила Эйра.

– Всего год. Мы еще мало что тут знаем.

– Вы когда-нибудь бывали в заброшенном доме, что находится неподалеку от Жертвенного озера?

– Мне бы хотелось там побывать, – призналась она. – Я обожаю заброшенные дома. Хотя меня часто мучает вопрос, законно ли брать те вещи, которые там остались и которые никто не захотел увезти с собой.

Они объяснили, какой период времени их интересует: с середины сентября, когда Ханс Рунне пропал. Сейчас на дворе было пятнадцатое октября. Целый месяц прошел. Мало кто способен упорядочить свои впечатления за столь долгий период. События забываются, накладываются друг на друга – хорошо, если удастся хоть что-то вспомнить.

Женщина включила компьютер и открыла календарь, но это не помогло.

– С маленьким ребенком, да еще в сельской местности, все дни похожи друг на друга. Ради этого и вырываешься из большого города, где постоянно носишься как белка в колесе.

– Никаких чужих машин, ничего?

– Мне жаль, но я даже тех, кто каждый день здесь проезжает, и то не знаю.

Ее мужа давно не имело смысла расспрашивать. Вряд ли он обращал внимание на машины, ведь сам он только что получил водительские права: раз уж они решили поселиться в сельской местности, то теперь оба должны были их иметь. Устав тесниться в пригороде, они продали свою крохотную двушку и купили все это хозяйство, и даже кое-что еще осталось. А что до работы, то она может спокойно быть копирайтером, не выходя из дома, даже несмотря на то что связь оставляла желать лучшего.

– Значит, вы не были у озера? Может, ходили туда по ягоды?

– Зачем, когда они растут у нас прямо здесь, у самой границы участка?

– А на лосей у вас никто не охотится?

Сезон охоты на лосей открылся несколько недель назад, других причин бывать в лесу у людей попросту не было.

– О боже, нет, конечно! Мы вегетарианцы.

Они поблагодарили женщину и продолжили обход дальше. Пропустив несколько домов, чьи хозяева на данный момент отсутствовали, Силье и Эйра постучались в следующий. Им открыл старик-вдовец. Он настоял на кофе и бутербродах с ветчиной – должна же полиция чем-то подкрепиться.

Силье взяла только кофе, Эйра же согласилась на бутерброд, потому что старик производил впечатление очень одинокого и явно был рад их визиту.

– Я хорошо знаю это дом, – сказал он. Выложив на стол нарезанную буханку и масло, хозяин полез в холодильник за ветчиной. – Просто позор, во что он превратился. Если бы Агнес и Карл-Эрик узнали, они бы в гробах перевернулись.

Это, конечно, в том случае, если есть жизнь после смерти.

Во что, добавил старик, он не верит. Тот, кто оказался в земле, землей и становится, и это хорошо. Вечность приедается, постоянное повторение – кому это нужно? Куда лучше, когда в череде дней есть хоть какое-то разнообразие, вроде перемены погоды или визита красивых женщин.

В смысле, полицейских, поправился он.

– Так, значит, Агнес и Карл-Эрик? – переспросила Силье.

– Больше десяти лет прошло, как их не стало. С тех пор никто не жил в этом доме. Кажется, у них было четверо детей. Им всем сейчас уже за шестьдесят, поди, и никто из них не хочет заниматься домом.

Печально, конечно, но что есть, то есть.

– А те, кто владеет домом сейчас, вы их встречали? – спросила Эйра.

– Нет, а кто это?

– Думаю, какая-нибудь лесопромышленная компания, – она сверилась со своими записями – компания, называвшаяся «Хай Вудз Холдинг», приобрела недвижимость покойных супругов четыре года назад.

– Вот оно что, – вздохнул мужчина, – этак они теперь что, весь лес там спилят?

Он произнес это без особого огорчения в голосе, просто констатируя факт. Вырубка леса давно стала обыденной вещью.

– Вам что-нибудь говорит имя Ханса Рунне?

Наморщенный лоб, натужное копание в памяти, перебирание людей и знакомых. В конце концов старик покачал головой – но вот если бы его родители были живы, они бы смогли побольше рассказать о Карле-Эрике и Агнес Баклундах. Сам он не был близко с ними знаком, будь они живы, им бы сейчас было уже за девяносто, но он знал, что Карле командовал полком в Соллефтео, а Агнес сидела на кассе в универмаге «Кооп», только это было ужасно давно.

В те времена эти универмаги назывались «Консум».

– Ян – единственный из их детей, кто остался в округе, – поведал он, разливая кофе по чашкам. – До ухода на пенсию работал в муниципальной конторе в Соллефтео, а теперь влился в ряды тех, кто любит спорить о политике. Он идет правильным курсом, а вот я уже так не могу. Насколько мне известно, у Карла-Эрика от первого брака тоже был ребенок, но я его никогда не видел. В те времена было как-то не принято метаться туда-сюда между двумя домами, попеременно живя то в одном, то в другом, пусть даже люди тогда тоже имели возможность разводиться.

Далее последовала история о первой супруге Карла-Эрика, которую все называли просто «бывшей». Уроженка Нолаасуга с трудным характером – да вы знаете, как это бывает. Торопыга с чересчур завышенной самооценкой и ко всему прочему с мозгами набекрень. Старик

смеялся над этими глупостями – мало ли чего люди наболтают, но все же общее мнение было таково, что Калле Баклунд выбрал себе вариант получше.

– Добряк он был, говорят. Совсем не такой, каким представляешь себе военного старшего поколения, а вот Агнес, так та поостроже была. Детей на чем свет стоит ругала, когда те притаскивали домой грязь, ну и вообще.

Во всяком случае, так ему рассказывал младший брат, который часто там играл. Сам-то он оказался как бы между поколениями.

Наконец Эйра рискнула перебить чересчур увлекшегося рассказом старика.

– Нас прежде всего интересует, не видели ли вы какую-нибудь машину или людей в той стороне за последний месяц? Может, заметили что-нибудь необычное, что не укладывается в привычный порядок вещей?

– Мне же отсюда дороги не видно. – Старик махнул рукой в сторону окна, малость расстроенный тем, что ничем не может им помочь. – Но я всегда могу порасспрашивать соседей, может, они чего видали.

– А на лося в этом году ходили? – полюбопытствовала Эйра.

– А то как же! Наглotalся болеутоляющих, чтоб спина не болела – проклятый ишиас! – Он немного подумал. – Но вот насчет заброшенной хибары на этом берегу Жертвенного озера – нет, не думаю, чтобы мы вообще туда совались.

За следующий час они обошли еще три дома и переговорили с еще тремя охотниками. Они подтвердили, что в этом году охота на лосей велась за много километров от места преступления. Список потихоньку рос. Машины, которые останавливались или подолгу стояли на обочине проселочной дороги, съезжали с главного шоссе, углубляясь в невесть какие дебри. Удалось добыть лишь сведения типа «был один белый „Вольво“ чуть раньше осенью, я еще подумал, кто бы это мог быть, но когда это было – черт его знает».

Силье оставила свою машину на окраине поселка и поехала вместе с Эйрой. Они двинулись на север, мимо Жертвенного озера, чья гладь была неподвижна, словно стекло, а возле берега лежал тонкий слой льда.

Сидя с ноутбуком на коленях, Силье записывала те немногочисленные и крайне неопределенные показания, которые они получили.

– Кто бы это ни был, – сказала Эйра, – они точно знали, куда едут. Вряд ли они мотались по округе, мельтеша у всех перед глазами.

– И все же мы должны всех расспросить.

Полицейские ехали, пока не уткнулись в старую заброшенную плавильню Гольшё. Остановились и направились к летним домикам, уже давным-давно покинутым дачниками. Те немногие, что жили здесь постоянно и были дома, не видели ничего особенного. Какая-то машина на лесной дороге, кажется, была, но они решили, что это просто грибники, и не придали ей особого значения. Разумеется, вокруг озера полно мест, где растут лисички, но где именно – вам точно никто не скажет.

– Это одна из тех вещей, которые хочется передать своим детям, – пояснила женщина, которая стояла, опираясь на костыль после перелома бедра, – хотя у них теперь другие интересы...

Возле старой плавильни Силье вышла, чтобы сходить в туалет. Эйра выбралась из машины и увидела, как напарница исчезает между рядами еще сохранившихся пустующих барачков для рабочих. Буквально пару лет назад здесь кипела жизнь, когда был большой наплыв беженцев.

– Куда ни глянь – снова везде сплошной лес, – сказала вернувшаяся Силье, споласкивая руки под бутылкой с минеральной водой.

Лишь когда они сели в машину и снова повернули на юг, она упомянула то старое расследование, во время которого они виделись последний раз.

– Мы не в ответе за свою семью, ни за родителей, ни за братьев с сестрами, – сказала она.

– Да, – ответила Эйра.

– Я просто хотела, чтобы ты знала.

– Хорошо.

– Лично я ни с кем из своих связи не поддерживаю, – призналась Силье. – Да и они тоже особо не рвутся.

Женщины постучались еще в несколько домов у дороги, а на языке у Эйры все еще вертелся комментарий: не переживать о нуждах других, никогда не испытывать угрызений совести. От этой мысли внутри ее повисло ощущение пустоты.

– Возьми-ка левее, вот сюда.

Эйра ударила по тормозам. Ну, наконец-то хоть один человек, который решил подышать воздухом. Одетый в рабочий комбинезон мужчина приблизился к ним и поднял щиток защитной маски. Во дворе позади него размещалась мастерская, пахло только что распиленной елью.

– Да, в самом деле, я точно видел какую-то машину там, в лесу, – сказал он, когда они объяснили ему, в чем дело.

– Возле Жертвенного озера? – уточнила Эйра.

– Ну да. Метрах в ста-двухстах оттуда. «Фиат Пунто». Золотистого цвета.

– И когда это было?

Он неопределенно махнул рукой, как бы говоря – а черт его знает.

– Вы можете показать это место на карте? – спросила Силье.

– Пожалуй, будет лучше, если я вас сам туда провожу.

Мужчина поехал впереди на своем автофургоне с надписью на боку «Столярная мастерская Свенна». Он долго мигал поворотником, видно, сомневаясь, прежде чем свернуть.

Наконец дорога кончилась и потянулся густой молодняк. По одну сторону находилась широкая площадка для разворота – похоже, здесь раньше складировали бревна. «Фиат» стоял чуть дальше, между елями. Передние сиденья были сняты и расставлены на земле, словно кресла в гостиной. Колпаки на ступицах колес отсутствовали, равно как и регистрационный номер. Все стекла разбиты.

– Не думаю, что машина приехала сюда в этом месяце, – протянула Эйра.

Мужчина рассмеялся.

– Нет, конечно, уверяю вас. Она здесь уже несколько лет стоит.

– Тогда с чего вы решили, что она нас заинтересует?

Эйра не смогла удержаться от соблазна заглянуть в салон: руль тоже отсутствовал, на заднем сиденье валялся отсыревший рванный пакет с бумагами. Старые тетрадки со школьными домашними заданиями, она разобрала год – 1972 и написанное карандашом имя – Розмари Стриндлунд. Внутри что-то екнуло – эта фамилия была очень хорошо ей знакома.

– К кому я только не обращался: и в полицию звонил, и властям, и черту, и чертовой бабушке, – вздохнул столяр. – Вы ведь можете убрать отсюда этот утиль, раз уж здесь оказались?

Столяр был возмущен бездействием полиции по поводу поломанной машины, что подтверждало его мнение о том, куда катится это общество. Когда он уехал, Силье и Эйра пешком зашагали через лес по едва заметным тропинкам.

Заброшенный дом находился не так далеко от разбитой машины, и вскоре до них донесли человеческие голоса.

– Преступники вполне могли воспользоваться этой дорогой, – заметила Эйра.

– В таком случае, нет ничего удивительного, что никто не видел машину, учитывая, как далеко стоит «Фиат».

На поляне вокруг дома заканчивали работу криминалисты. Уносили прожектор, сворачивали электрический кабель. Скоро все машины уедут, а заградительную ленту снимут.

– Работы хоть отбавляй, – сообщил ГГ Эйре и Силье, когда те приблизились к месту преступления. Он отошел на несколько шагов от дома и закурил. Насколько Эйра помнила, он постоянно собирался бросить, каждая его затяжка была последней. – Двадцать пять различных отпечатков пальцев, или сколько ты там сказал? – ГГ повернулся к вышедшему наружу следователю в защитном костюме, в чьи обязанности входил осмотр места преступления.

– Двадцать три, – подтвердил Костель Арделеан, – хотя штук тринадцать-четырнадцать мы вполне можем исключить как детские.

– Думаете, мы действительно можем их исключить? – мрачно отозвался ГГ. – В последнее время столько случаев было, пусть и не здесь, но они могли прочитать об этом в интернете и загореться «а что, и мы так можем!». Подростки, которые держат в плену других подростков, выбивают из них пароли для банкоматов и вообще вытворяют черт знает что, лишь бы привлечь к себе внимание в Инстаграме⁴.

– Пожалуй, далековато отсюда до банкоматов, не находишь? – отозвалась Силье.

Из дома вышли еще два криминалиста. Они несли какой-то тряпичный куль, на поверку оказавшийся свернутым матрасом, слишком маленьким для взрослого человека. Это что же, выходит, он на нем лежал? Эйра вдруг с особой ясностью осознала, что она жива: холод воздуха в легких, звук чужого дыхания рядом.

– Многие из тех, кого мы опросили, помнят семью, что жила здесь давным-давно, – сказала она, – но вот про нынешних хозяев, кажется, никто не знает.

– Кем бы они ни были, не слишком-то они переживают за свое имущество, – заметил Костель. – Дом уже давно стоит незапертым. Любой мог пройти мимо и оставить здесь после себя следы, не говоря уж о тех, кто жил здесь прежде. Их родственники. Товарищи по играм. Гости. – Он вздохнул. – Пожалуй, мы могли бы рассчитывать на следы крови, если бы они принадлежали кому-то еще, кроме жертвы.

Помимо той крови, что впиталась в матрас и одеяло, в которое завернулся мужчина, были также обнаружены ее следы на садовом инвентаре. Больше никаких свидетельств насилия, волочения или чего-то еще в этом роде. На мужчине были джинсы от дорогого шведского бренда, рубашка, туфли, тонкая куртка.

Вряд ли Ханс Рунне оделся так для прогулок в лесу.

Стая дроздов как по команде уселась ровным рядом на коньке крыши. Воздух наполнился птичьей трескотней и гвалтом. Эйра подумала про женщину-фотографа, которая первой забила тревогу, про воронов, что упоминались в рапорте. Эти птицы обычно кормятся той добычей, что осталась от хищников, поедают последние куски падали.

– Вопрос в том, с какого рода преступлением мы имеем дело, – сказал ГГ. – Похищение человека, само собой, но собирались ли они еще сюда вернуться?

Один из криминалистов захлопнул багажник. Заградительную ленту сматывали в катушку. Больше не осталось никаких следов. Лишь догадки, поспешные выводы, которых они постараются избежать.

– Или же они оставили его здесь умирать?

Эйра в одиночестве возвращалась домой. Мимо промелькнуло поле, облюбованное лебедями-кликунками, а чуть подальше она заметила еще одну стаю. Кажется, гуси – сотни серо-коричневых птиц. Очевидно, здесь располагалось место сбора всевозможных перелетных птиц – перевалочный пункт между севером и югом. На обочине стоял мужчина с биноклем на штативе.

Эйра не стала хлопать дверцей, чтобы не спугнуть пернатых, и, оставив машину открытой, медленно приблизилась к незнакомцу.

⁴ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

– Канадские гуси, – произнес тот тихо, не отрываясь от бинокля. – Обычное дело, но среди них часто попадаются белошекие казарки. Гуси – птицы не капризные: если кто захочет полететь с чужой стаей, ему никто мешать не станет. Видите, вон там, за той группой? Это настоящая удача – увидеть короткоклювого гуменника, ведь он встречается куда реже.

Он дал ей посмотреть, но Эйра не заметила особой разницы между птицами.

– Интересуетесь птицами? – спросил мужчина.

– Честно говоря, нет, – Эйра показала ему свое удостоверение. – На данный момент я больше интересуюсь преступлением, которое произошло неподалеку отсюда. Похищение. Возможно, убийство.

– Вот оно что. Да, я слышал об этом. – Их взгляды одновременно устремились к лесу. На самой опушке пристроилось несколько домиков. – Я видел, как вчера утром оттуда взлетел орлан-белохвост. Обычно это говорит о том, что вода начала затягиваться льдом. Должно быть, кто-то его спугнул. У него там гнездо неподалеку.

– Вы часто бываете там, на озере?

– Давно уже не бывал, в это время больше хочется наблюдать за большими перелетными стаями.

– А в середине сентября?

– Он так долго там пролежал? В смысле, труп?

– Вспомните, может, вы были поблизости, обратили внимание на что-нибудь странное?

Какая-нибудь машина, кто-нибудь неместный?

Мужчина снял шапочку и пригладил волосы. Наморщил лоб.

– Я вот тут про дятла подумал, – произнес он, что-то медленно припоминая. – Трехпалый дятел, знаете такого? Нет, скорее всего, не знаете. Я шел по его следам на север от озера, – чтобы добраться до древесного сока, он выдалбливает по кругу стволы елей, оставляя после себя характерные отметины, похожие на кольца, – но мне понадобилось несколько дней, чтобы увидеть его. Иногда во время таких прогулок мне попадаются люди, ходят по грибы, по ягоды. Из города тоже приезжают, да, но когда их немного и они тихо ведут себя, то я не обращаю на них внимания. А вот когда они громко разговаривают по телефону или шумят, то это здорово досаждают, но было ли так в тот раз? Мне кажется, что-то такое было. У меня дома лежит дневник, я записываю туда все свои наблюдения, но вот про людей и машины я, конечно, не пишу – меня это мало интересует.

Эйра вручила мужчине свой номер телефона и попросила его дать свой. Их прервал громкий шум в воздухе – приближался еще один косяк гусей.

Мужчина опять приник к биноклю, направив его четко на север.

В нюландской квартире витал свежий запах жидкого мыла. На полу в прихожей валялось несколько конвертов и рекламных листовок, судя по количеству – лишь за последние дни.

– Кто-то был здесь и сделал уборку, – пришла к выводу Эйра. – Мне жаль, я обязана была этому воспрепятствовать.

Поскольку сначала никаких подозрений на преступление не было, то и никаких оснований для опечатывания квартиры они не имели.

Пол в доме покойного был чисто вымыт, кухня вычищена, мусор вынесен. На столе в гостиной больше не стояло никаких бокалов. Такое чувство, будто все следы того, кто здесь жил, просто улетучились, словно подхваченные ветром.

Эйра прикрыла глаза, чтобы вспомнить, как здесь все выглядело в прошлый раз. Она умела подмечать детали, обращала внимание даже на то, что казалось неважным. Ни опрокинутой мебели, ни следов борьбы – так она тогда подумала.

– Он пил красное вино, вон там стояла бутылка, – она показала. – Кажется, пустая. Рядом – один бокал для вина и второй, поменьше, вроде бы для виски.

– Как будто у него были гости?

– Или же он сам пил из обоих. У меня сложилось впечатление, что он был одинок.

Она снова прикрыла глаза, на этот раз чтобы воскресить в памяти ощущение его одиночества. Она действительно это увидела или сама пришла к такому выводу, основанному на вони от мусора, невымытой посуде и бутылках и усиленному словами его бывшей супруги о разводе?

В спальне на кровати лежало разглаженное одеяло, поверх него – сложенное покрывало.

– Не могу сказать, что простыни свежие, но вот постель точно была не заправлена, одеяло валялось, наполовину свесившись на пол.

– Словно он занимался сексом?

– Да, возможно... Или же просто спешил.

– В любом случае мы заберем постельное белье с собой.

Так, что еще? Книга Ульфа Лунделла лежала раскрытой и корешком кверху, теперь же она была закрыта. Едва ли это важно. Или все-таки важно? Возможно, это указывало на умиротворенное состояние духа – мужчина, который коротает время, читая книгу перед сном.

– Если кто-то хотел специально замести все следы, то зачем тогда он закрыл книгу? – задумчиво проговорила Эйра, когда они вышли на лестничную площадку, уступив место криминалистам.

– Может, они читали ее вместе, – заметил ГГ, – до того, как появился преступник.

Эйра рассмеялась. Смех вышел негромким и совсем коротким, но все равно это было облегчением – позволить себе вот так рассмеяться.

– С его бывшей тоже не все ясно, – добавила она. – Женщина отрицала, что он завел себе новую пассию, и вместе с тем пыталась показать, что ей абсолютно все равно и личная жизнь бывшего мужа ее больше не волнует. У меня сложилось впечатление, что она еще не окончательно разорвала с ним отношения.

– Те, кто утверждает подобное, часто врут, – голос ГГ был мрачным, словно он говорил, исходя из собственного опыта. На его лицо набежала тень, сумрак, которого прежде она не видела. Как-то раз во время прошлого совместного расследования он упомянул о желании завести детей вместе со своей новой подругой. Эйре было доподлинно известно, что эта попытка не увенчалась успехом.

– Она дала понять, что Рунне совсем расклеился после развода. Стал больше пить, сорил деньгами, но вряд ли она была объективна в этом вопросе.

– Никто не может быть объективен, – отозвался ГГ, – в особенности тот, кто состоял в браке.

Они заглянули в ванную: до блеска отдраенные пол и стены, запах хлорки, несколько бритвенных принадлежностей, одиноко лежащих на полочке в шкафчике.

– Каждый хочет, чтобы даже после расставания по нему продолжали скучать, – сказал ГГ, выходя в прихожую, чтобы встретить коллег, которые уже стучали в дверь. – Или хотя бы просто вспоминали.

Они обходили дома на Боргаргатан, трезвоня во все двери подряд. Названия улиц в Нюланде свидетельствовали об их былом великолепии. Историками было точно установлено, что сто лет назад здесь говорили на самом лучшем и правильном шведском в стране. Город конкурировал с Крамфорсом за право являться административным центром. Уверенный в своей победе, Нюланд возвел здание суда и проложил улицы, приличествующие большому городу, но в итоге все потерял. Напротив дома, где жил Ханс Рунне, между сохранившимися остатками ржавых рельсов росли одуванчики.

Им удалось сохранить его имя в тайне для СМИ, что позволяло рассчитывать на спонтанную реакцию опрашиваемых, но это ненадолго. Через несколько часов, самое большее через день, имя жертвы станет известно широкой публике, и тогда люди кинутся обсуждать это дело, вспоминать то, что, как им казалось, они видели или слышали, и, мучимые угрызениями совести из-за того, что совсем не знали своего соседа, станут пытаться исказить правду.

Чуть меньше двух лет назад Ханс Рунне вернулся в Нюланд, город своего детства, и купил себе здесь квартиру за тридцать пять тысяч крон.

Пожилая дама из квартиры напротив как-то раз по-соседски одолжила ему ложечку кумина – он обожал готовить. Ей было известно, что он актер и снимался в пользовавшемся бешеной популярностью сериале о враче со шхер, который шел по телевизору больше двадцати лет назад. Она разузнала об этом на «svt play», чисто из интереса.

Еще там была женщина из Боснии, занимавшаяся патронажным обслуживанием престарелых, она рано уходила на работу и редко кого видела; и мужчина, который вышел на пенсию после того, как всю жизнь проработал в Больстабруке, на последней из оставшихся в округе лесопилок.

– Пять недель назад, говорите? И это вы спрашиваете у меня, который с трудом помнит, что было вчера? Вы когда-нибудь задумывались о том, что дни становятся все больше похожими друг на друга? Из дня в день мы таскаемся по одному и тому же кругу. Слыхали, что ученые рекомендуют делать в день десять тысяч шагов? Мы теперь больше заняты тем, что считаем, сколько шагов нам осталось до смерти. Ничего удивительного, что у нас никогда не будет революции.

Они обошли весь первый подъезд и вышли во двор, Воспользовавшись минутной паузой, ГГ сделал несколько затяжек.

– А мне казалось, что люди должны знать своих соседей, если живут в малонаселенной местности, – произнес он.

– Не называй Нюланд малонаселенной местностью, – посоветовала Эйра, – им не понравится, если они это услышат.

В следующем подъезде их встретил радостный вопль, который эхом разнесся по этажам, и кто-то заключил Эйру в такие жаркие объятия, словно тесный вязаный свитер.

– Бог ты мой! Эйра Шьёдин! Это ведь ты?

Эйра лихорадочно порылась в памяти, мысленно скинула с тела женщины порядочное число килограммов. Волосы, кажется, были потемнее, но эти глаза, смех...

– Стина? Я даже не знала, что ты здесь живешь.

Это была ее лучшая подруга детства, и Эйра моментально ощутила угрызения совести. Она покинула родной край, потом вернулась, но никому не звонила и не давала о себе знать. Почему-то это должен делать тот, кто уехал, а не тот, кто остался. Эта мысль пришла вместе с ощущением предательства, пусть даже они утратили друг с другом связь еще задолго до отъезда Эйры в Стокгольм.

– Боже, ты совсем не изменилась! Все такая же, как в детстве! – всплеснула руками Стина. – Я ведь слышала, что ты стала легавым и вернулась обратно в город. Все ждала, когда же ты позвонишь.

Взгляд подруги переключался на ГГ, и на ее губах заиграла улыбка совсем иного сорта.

– Это Георг Георгссон, – быстро проговорила Эйра. – Главный следователь из Отдела по особо тяжким. – Это прозвучало чересчур формально, словно она сама принадлежала тому миру и потому держала дистанцию с этим, откуда была родом.

– Черт подери, – немедленно отреагировала Стина.

– Мы расследуем преступление, в котором замешан гражданин, проживающий в соседнем подъезде.

– В самом деле? Вот прямо здесь? И кто же это?

Они были подругами с первого класса. Именно со Стиной она занималась тем, чем обычно запрещают детям заниматься взрослые. Например, доезжать на автобусе до Кунгсгордена и шнырять возле дома убийцы Лины.

– Вам знаком человек по имени Ханс Рунне? – вмешался ГГ. – Он жил в соседнем с вами подъезде.

– О боже, конечно, да! Он же еще вроде артист, верно? Не скажу, что была с ним знакома, но он казался мне вполне милым. Злым он точно не выглядел. А что случилось? Он что-то натворил?

– Он найден мертвым.

– Да ну! Что, прямо в нашем доме?

Пол в прихожей был завален обувью самых разных размеров. Эйра припомнила, что Стина родила ребенка, едва закончив гимназию, и взяла годичный отпуск за свой счет, чтобы его выкормить. Неужто с тех пор у нее появилось еще двое или трое?

– Однажды я видела его вместе с девушкой, – поделилась та. – Совсем молоденькая. Меня это слегка задело.

Эйра полезла в Фейсбук, чтобы найти снимок Паломы Рунне, а ее подруга детства между тем вспомнила, что как-то раз Ханс Рунне поздно вечером громко слушал музыку с открытой балконной дверью. Это было несколько месяцев назад, как раз, когда стояла жара. Стина еще кричала ему, чтобы он сделал потише, но она не из тех, кто любит строчить жалобы – скорее будет ждать, что ее саму пригласят на вечеринку.

– Эту девушку ты видела? – Эйра сунула ей под нос экран смартфона.

– Да, точно. Во всяком случае, очень похожа.

– Это его дочь.

– О'кей, я примерно так и подумала. Ему же, наверное, под пятьдесят?

– Сорок семь.

– О'кей, но все равно симпатичный. – Стина окинула оценивающим взглядом ГГ. Прежде чем продолжить обход соседей, Эйра дала ей свою визитку, мол, звони, если что-нибудь вспомнишь, будет здорово как-нибудь пообщаться.

Они встретились у машин с остальными коллегами и суммировали полученные данные. С окрестных гор надвигались тучи, ползли над двором, где жил покойный.

– В последнем подъезде живет его старый приятель со времен начальной школы, – сообщил стажер из Сундсвалля – начальство выделило им для расследования дополнительные ресурсы. – Но они не общались, хотя он сказал, что в свое время они были лучшими друзьями.

– С тем же успехом он мог издеваться над ним, – заметил ГГ. – Ни у кого не бывает так много друзей, как у того, кто только что умер.

– В двенадцатой квартире есть один парень, – сказала Аня Ларионова, местный следователь лет шестидесяти, которая обычно занималась мелкими кражами в Крамфорсе. Она любила красить волосы, исходя из своего настроения и времени года, и в данный момент те радовали глаз всеми оттенками розового.

– Уно Харила, – добавила она, листая свои записи. – Он любил поболтать с Рунне при встрече, хотя у них с ним были разные взгляды.

– На что?

– На управление нашей страной. Рунне был из тех, кто, цитирую: «готов мириться с любым сбродом во власти, несмотря на то, что такие, как он, сами сидят без работы».

– Он имел в виду актеров?

Аня обменялась с ГГ улыбкой.

– Я думаю, в более широком смысле. Как бы то ни было, Харила обратился к списку сообщений в своем телефоне и нашел одно от жены, в котором та напоминала ему про туалетную бумагу.

– Туалетную бумагу?

– В тот день жена послала ему эсэмэску, чтобы он не забыл купить несколько рулонов, так что в дате он уверен. Это случилось двенадцатого сентября, незадолго до полудня.

То есть за двое суток до того, как мобильник Ханса Рунне перестал подавать признаки жизни.

Аня Ларионова записала свидетельские показания на диктофон. Остальные придвинулись поближе. Холодало, накрапывали первые капли.

– Да, я тут припоминаю, – услышали они мужской голос с едва различимой финской мелодикой, – как я тащил из машины баул с туалетной бумагой. Я был в «Виллисе» в Крамфорсе и накупил с запасом. Там была скидка – рулон за полцены. А он как раз выходил из подъезда и придержал мне дверь. Сказал, что едет в Хэрнёсанд, в ресторан, значит. Одет с иголочки. Я еще, помню, удивился, потому что он часто жаловался на то, как у него плохо с работой. Наверное, именно поэтому у меня и отложилось это в памяти, а еще потому, что я стоял, балансируя с шестьюдесятью четырьмя рулонами чертовой бумаги на плечах.

– Дальше Уно Харила становится малость занудным, – сказала Аня Ларионова, выключая запись, – но он утверждает, что Рунне был словоохотлив и держался с ним слегка высокомерно. Свидетель не желает зря молотить языком, как он выразился, но Рунне даже малость строил из себя важную персону.

– А одежда? – спросил ГГ.

– Рубашка и какая-то пижонская курточка, может, пиджак, но без галстука – это не в стиле Рунне, он все больше тяготел к представителям богемы, вроде как идеалист. Слова Уно Харила. Пожилая дама с верхнего этажа, напротив, описывает его как очень положительного мужчину, доброго и отзывчивого.

ГГ встретился взглядом с Эйрой.

Рубашка, пижонская курточка.

Это вполне могло быть описанием той одежды, которую они уже видели: изгвазданная и великоватая для того истощенного тела, на которое она была надета, в подвале дома неподалеку от Жертвенного озера.

Они расстались, и Эйра отправилась забрать свою машину с парковки перед супермаркетом «Ика Розен» и заодно купить себе что-нибудь перекусить. С тех пор, как она стала жить в доме одна, ее холодильник являл собой унылую картину. Поэтому она взяла пару копченых куриных бедер, упаковку чипсов, замороженного лосося и сделала круг по овощному отделу.

Была масса причин, почему она не звонила своим старым друзьям, когда вернулась обратно домой. Прежде всего – деменция Черстин, которая связывала ее по рукам и ногам, а еще трудности с ответами на вопросы о Магнусе – какая из ее подружек не была в него влюблена?

И тем не менее это была еще не вся правда.

Эйра оплатила покупки и, выйдя из магазина, остановилась у машины, слушая, как дребезжат по парковке тележки покупателей. Тут и там были случайно встретившиеся знакомые, которые кричали друг другу «Здорово!» и останавливались ненадолго поболтать.

Ее вдруг осенило, что с Хансом Рунне могла произойти та же история. Он прожил в Хэрнёсанде почти двадцать лет, прежде чем вернулся обратно в свой родной город, а перед этим пару раз бывал в Стокгольме.

В тех, кто вернулся, ощущается некая разбалансировка. В том, что касается дружбы, происходит какой-то сдвиг. И становится куда проще общаться с новыми людьми, чем с живущим в соседнем подъезде одноклассником. Не так тягостно.

Так кем он себя считал?

Актером, волею судеб оказавшимся в дыре вроде этой, которому помимо всего прочего приходилось перебиваться случайными заработками?

Эйра проехала короткий отрезок пути до здания суда, где уже давным-давно не проходило никаких заседаний. Какой-то композитор с юга приобрел эту громадину лет двадцать тому назад. Она припомнила, что его еще привлекали к суду за экологическое преступление, когда он с моста Хаммарсбю сбросил вниз горящее пианино, что являлось частью его концертной программы.

– Да, черт возьми! – обрадовался композитор, изъяснявшийся с сильным сконским выговором. – Он пришел и спросил, нет ли у меня чего на примете, какой-нибудь роли в каком-нибудь проекте. Я пригласил его выпить вина, и мы проболтали весь вечер. А что, с ним что-то случилось?

Она рассказала. Композитор сразу сник и опустился на стул в фойе. Эйре уже в который раз приходилось выступать в роли злого вестника, чьи новости заставляли мир людей перевернуться.

На данный момент композитор был занят тем, что сочинял партию для голландского виолончелиста, которого ждало первое выступление в Дюссельдорфе, но, помимо этого, он лелеял идею организовать регулярный летний театр про инквизиторские процессы над ведьмами. Ведь это же какой интересный спектакль получился бы! И Хассе отлично подошел бы на роль священника в старинной церкви Юттерлэнна, который за колдовство осуждал женщин на смерть.

После этого они еще пару раз сталкивались в супермаркете «Ика Розен» и возобновляли разговор на эту тему, но жизнь рассудила иначе.

– Не скажу, что хорошо знал его, но мне он казался безобидным. Может, чересчур любил отстаивать свою точку зрения, но кто этим не страдает?

В тот вечер она взяла с собой на пробежку Патраска. Бежала вместе с псом и думала о скорченном теле в подвале, прокручивая в голове все то, что она видела и слышала. В какой-то момент на передний план вылезла ее короткая встреча со Стиной. Их пути разошлись, когда Стина забеременела и перестала посещать тусовки и школу, или же это сама Эйра удрала, испугавшись, что никогда не сможет отсюда вырваться? Что тоже забеременеет и окажется привязанной. С тех пор, как она стала достаточно взрослой, чтобы тосковать по чему-то, сама не зная чему, на заднем плане для нее бился извечный вопрос: сбежать или остаться, домой или прочь из него – она до сих пор так и не решила. Эйра вернулась домой, потому что ее мама нуждалась в ней, но что теперь?

Она слушала мягкий топот лап, галопом несущихся рядом с ней, и думала о том, какую незаметную жизнь вел в свои последние годы Ханс Рунне. Здешние улицы были полны воспоминаний, рассказов о людях и событиях, которые она слышала постоянно.

Сама Эйра Шьёдин не оставит после себя никаких воспоминаний. В ней нет ничего выдающегося, что могло бы превратить ее в историю, ничего примечательного. Воздух просто сомкнется за ее спиной, как вода, когда выходишь из реки.

На берегу она отстегнула у пса поводок. Тот несколькими скачками унесся прочь и завозился где-то во тьме. Эйра заметила ненадежное место у себя под ногами, территорию, где могла разверзнуться глубокая дыра. Отдельные участки речных берегов в Одалене состояли не из твердой земли, а из отходов работавших здесь раньше лесопилок. Тишина окутала ее, нарушаемая лишь редким шумом машин на мосту Сандёбру, в том месте, где дуга моста взмывала в небо, прочь от земли.

– Случайность, – произнес ГГ, закрывая дверь. – Я уже говорил, как сильно я ненавижу случайности?

Они находились в полицейском участке Хэрнёсанда, в конференц-зале с видом на бухту, врезающуюся между островами, на которых был расположен город. За окнами бушевал северный ветер, закручивал в воронку последние осенние листья, так что они долетали аж до четвертого этажа.

Кроме ГГ физически в комнате присутствовала только одна Эйра. Остальные сотрудники, разбросанные на участке от Соллефтео до Сундсвалля, общались по видеосвязи. Расследование не имело конкретной точки привязки, зона поисков растянулась на весь Южный Онгерманланд: от места в восьми милях вглубь суши, где нашли труп, через Нюланд, где жил

Ханс Рунне, и сюда, на побережье, в административный центр, где вечером четырнадцатого сентября были в последний раз зафиксированы сигналы его телефона.

– Либо он сам находился в Хэрнёсанде, когда его телефон вырубился, либо здесь был только его мобильный, – сказал ГГ.

А на дворе было восемнадцатое октября. Все следы не то что остыли, а уже давно покрылись льдом.

Тишина, покашливания, потрескивания, когда кто-то шевелился слишком близко от микрофона: на экране монитора пять или шесть окошек с лицами, то один появится, то второй исчезнет, хриплый голос, нездешний выговор. С некоторыми Эйра была знакома лишь шапочно, многих не знала вообще.

– Он довольно часто играл в онлайн-казино, – произнес один из тех, что сидел в Сундсвалле и в чьи обязанности входила проверка банковского счета и прочего. – Суммы не слишком большие, только тысячные, до пятизначных цифр не доходило. Судя по счету, больших займов не было, но и выигрышей тоже немного...

Слова стихли и превратились в бормотание, когда их перебил следующий голос, который Эйра узнала.

– Мы нашли в доме порядка тридцати следов, – сообщил Костель Арделеан, – но по базе данных получено лишь одно совпадение по отпечаткам пальцев. Это один покойник, застреленный из своего собственного ружья.

– Давно?

– Три года назад.

– Вот черт.

ГГ нащупал перьевую ручку, лежавшую на столе. В другое время он бы, наверное, принялся чертить линии и рисовать кружочки на белой доске в дальнем конце пустынного конференц-зала, с датами и указанием времени, схему, которая росла бы и ширилась, создавая иллюзию продвижения, но сейчас это был бы напрасный труд, потому что те, чьи лица были на экранах, не могли этого видеть.

И потом, вскоре ее бы все равно стерли.

Эйра достала из лежавшей рядом стопки офисной бумаги чистый лист и сама стала чертить и делать пометки, чтобы получить общую картину, пока доносившиеся из динамиков голоса отчитывались о проделанной работе.

Активность в соцсетях, список телефонных контактов. По выписке с банковского счета они сумели восстановить часть его перемещений – покупка билетов, походы в рестораны. Ось времени была раздражающе чахлой и зияла пустотами. Она больше походила на прерывистую и едва различимую линию жизни на мозолистой ладони, или на реку со всеми ее притоками.

Между временем, когда Рунне в последний раз видели за пределами квартиры, и моментом, когда его мобильный телефон прекратил посылать сигналы, прошло почти два дня.

И следом месяц неизвестности.

– Итак, безработный актер покидает свое жилище ранним вечером двенадцатого сентября и в тот же вечер в последний раз расплачивается своей кредиткой...

– В трех разных ресторанах, из них последний – «Штадт» в Хэрнёсанде, – вставила Силье. – Судя по общей сумме, можно предположить, что он был сильно навеселе.

После этого больше никаких транзакций, только перемещающиеся туда-сюда вдоль реки сигналы мобильного телефона, пойманные ближайшей вышкой сотовой связи.

– Еще неясно, в чьих руках на тот момент находился телефон, – заметил ГГ. Он поднялся и сделал несколько шагов по комнате, из-за чего многие на экране видели только его брюки. – С таким же успехом это мог быть и сам преступник или какой-нибудь подросток, который нашел телефон, а потом куда-нибудь его выкинул. Здесь важно то, что после вечера в ресторане Хэрнёсанда Ханс Рунне больше никому не звонил.

– Если он в тот вечер напился, а потом шатался по улицам города, то вполне мог нарваться на нехороших людей... – выдвинула свою гипотезу Силье.

– Так, а какие у нас сейчас наблюдаются события в преступном мире?

Ответ был длинным и исходил от наблюдателя, следившего за организованной преступностью в регионе. Сундсвалль был большим городом, весьма зажиточным по шведским стандартам, но не имел собственной преступной сети, которая бы горячо обсуждалась в СМИ. Криминальный мир произрастал из больших городов на юге Швеции, тянул свои щупальца вверх по дорогам Норрланда и следил за тем, чтобы ни один закоулок в стране не остался без наркотической дряни. К этому, конечно же, стоило бы прибавить традиционные банды байкеров, которые бились с возрастающей конкуренцией на рынке наркотиков.

– Только что я беседовала с судмедэкспертом, – перебила его Силье. – Результаты вскрытия будут самое раннее завтра утром, но я получила некоторые предварительные данные по искаленной руке.

Пальцы, два из которых отрублены.

– На момент смерти поверхности ран не успели зажить, в них попала инфекция. По словам судмедэксперта, их давность оценивается от трех до семи дней.

Почти все разом охнули. Это было жестоко, и это было тем, за что можно зацепиться.

– О'кей, – кивнул ГГ и наклонился над столом ближе к экрану. – Как только у нас появится точное время смерти, мы еще раз обойдем все окрестные дома. Сейчас у нас есть как минимум два момента, когда кто-то мог увидеть неизвестного или неизвестных: это когда Рунне везли туда и когда преступник возвращался.

– Три, – сказала Силье.

– Что?

– Три момента, – уточнила она. – Для каждого из пальцев характер его заживления выглядит по-разному. Все это, конечно, пока лишь предварительно, и там, в Умео, не готовы утверждать наверняка, но...

– А конкретнее?

– Все выглядит так, словно преступник возвращался не один раз, а два.

– Черт возьми! – воскликнул кто-то.

– Зачем отрезать пальцы человеку, который выглядит как нищерброд?

– Значит, они думали, что у него есть деньги.

– А мы, собственно, говорим об одном или нескольких преступниках?

Они напрочь позабыли о правилах, которые должны соблюдаться на видеосовещаниях – говорить по очереди, четко обозначая начало и конец, – и загомонили все разом, перебивая друг друга, и те, кто сидел в Сундсвалле, и те, кто в Хэрнёсанде, включая местного следователя из Соллефтео.

– Красивая одежда, тут же было где-то указано, пижонская куртка и – что там еще? Пусть даже у чувака не было денег, все равно он выглядел так, как будто они у него есть.

– А мы уверены, что он действительно настолько чист, как кажется? Ему могли угрожать, шантажировать. Вдруг он насолил кому-то или сделал что-нибудь нехорошее?

Эйра попыталась понять, кто это говорит.

– Возможно, речь идет о ком-то из его близких. Может, помните одно дело, которое было у нас в Сундсвалле, когда целую семью держали в заложниках, чтобы подобраться к их сыну?

– Если только это не было сделано из чисто садистских наклонностей.

– В таком случае, зачем довольствоваться одними лишь пальцами? – спросила Силье. – Потому что, по словам судмедэксперта, других следов насилия на теле не обнаружено.

– Не все попытки оставляют после себя следы. Были методы, скажем, во время режима хунты в Аргентине, когда практиковались удары электрическим током, утопление...

– И где же они, по-твоему, взяли бы электрический ток в заброшенном доме?

– Спасибо, достаточно, – пресек дальнейшие прения ГГ и сделал краткий обзор всей полученной информации. Только после того, как все закончили греметь отодвигаемыми стульями и отключились, он повернулся к Эйре:

– Ну что, вступим на пару в схватку с его бывшей женой?

Сесилия Рунне выглядела так, словно вместе с разводом вытянула свой счастливый билет. Уже на лестничной площадке их встретили потоки солнечного света, льющегося через эркеры и высокие окна. Бывая в Хэрнёсанде, Эйре всегда казалось, что от его улиц веет каким-то высокомерием, словно сам город горделиво взирал на нее сверху вниз своими аристократичными домами и помпезными парками. Может быть, это потому что здесь всегда обреталась власть, включая то самое административное управление лёном, которое когда-то отдало приказ послать армию против забастовщиков в Лунде. Врожденное чувство, что ты оказался в месте, где следует снять с себя шапку, поклониться или упасть на колени.

– Простите, даже не знаю, о чем я думала, – тут же принялась оправдываться Сесилия Рунне. – Я решила, что нашей дочери не стоит этим заниматься, и попросила ее прислать мне ключи от квартиры. – Она сидела на самом дальнем конце дивана, ее рука, державшая чашку с зеленым чаем, немного дрожала – она поставила чашку на стол, так и не сделав ни одного глотка.

– Значит, вы вошли и сделали уборку за три дня до того, как мы нашли его? – уточнил ГГ. – Зачем? У вас был повод полагать, что ваш бывший супруг мертв?

– Нет-нет, что вы! Я всю дорогу думала лишь о том, что Хассе опять куда-то смылся или снова во что-нибудь вляпался, такое уже бывало. – Ее взгляд замер, уставившись на картину над телевизором, где были изображены какие-то геометрические фигуры. ГГ терпеливо ждал продолжения. Женщина нервно ковыряла кожу возле ногтей. Сами ногти были идеальные, с бледно-розовым лаком. Их цвет сочетался с обивкой дивана. Эйре стало даже неудобно, когда она обнаружила эту деталь. «Кто-то же должен держать себя в руках», – подумала она, не позволяя хаосу завладеть собой.

– Я ведь не думала, что его убили, – проговорила наконец Сесилия Рунне. – Я бы тогда решила, что...

– Что?

– Хассе казался счастливым, но у его натуры была другая, скрытая сторона, порой способная впасть во тьму. Такое сплошь и рядом бывает с великими людьми. Ощущение собственной ничемности, если на тебя никто не смотрит. Весь свет только на меня, – она что-то смахнула с глаза, слезинку или ресничку, и моргнула. – Я читала о нем в вечерних газетах. Они пишут, что он был известным актером. Но почему они не писали об этом, когда он был еще жив?

Этим утром полиция предала огласке имя погибшего. Родственники были уже поставлены в известность, и больше не было никаких причин пытаться и дальше скрывать эту информацию от прессы. Напротив, ожидалось, что общественность отзовется и поможет им в расследовании. Сейчас в Сундсвалле на телефонах сидели стажеры, которые обрабатывали поступающие от населения сведения, пытаясь отделить психов от тех, кто действительно внушал доверие.

– Он мог приглашать в ресторан совершенно чужих людей, с которыми только что познакомился, хотя нам едва хватало средств на оплату жилья и счетов. Сейчас-то я хорошо зарабатываю, но тогда... И все лишь ради того, чтобы хотя бы ненадолго оказаться в центре внимания. Ему ведь давали роли, и, бывало, он по несколько месяцев кряду отсутствовал дома, участвуя в съемках, а потом роли перестали давать. Тогда он начал говорить о них, рассказывал забавные истории про известных актеров, с которыми он снимался, и закатывал вечеринки, чтобы показать, на что он способен.

Сесилия достала из ящика журнального столика салфетку и сдержанно высморкалась, комкая ее в кулаке.

– Иногда мне кажется, что он переехал жить обратно в Нюланд только за тем, чтобы можно было во всем обвинить Нюланд – понятно же, что никаких ролей там не получишь.

– А у вас после развода появился кто-нибудь? – спросил ГГ.

– А какое это имеет отношение к делу? – Сесилия засмеялась и чисто девчачьим жестом откинула со лба челку, закинула одну ногу на другую. – Но если вы так сильно хотите знать, то скажу: нет, не появился. Хочется ведь настоящей любви, хотя я не уверена, что снова выйду замуж.

– Вы все еще его любите?

Немного ненатуральный смех, мимолетно брошенный на ГГ взгляд, в котором сквозило больше флирта, чем это позволяла ситуация.

– Ну и вопрос. Я обязана на него отвечать?

– А это так трудно?

– Нет, просто это немного личное.

Те, кому было поручено изучить социальные сети, пришли к выводу, что Хансу Рунне нравилось то, что выкладывали на своих страницах его друзья, но о себе он не слишком много распространялся. Его последний пост был в июне, когда по каналу svt повторяли фильм с его участием. Его бывшая жена поставила этому посту сердечко.

– Это ведь я его бросила, – призналась она. – Сначала первые несколько лет он меня почти не видел, все мотался по съемкам, а потом уже сам не мог без меня жить. Он бы погиб, если бы я ушла.

– Он вас ревновал?

– Да, ревновал, но ведь я же здесь ни при чем, верно?

Вопросы продолжались. С кем Ханс Рунне общался и чем занимался, когда бывал в Хэрнёсанде, если они виделись. Ответы Сесилии не дали им ничего конкретного. Судя по всему, Рунне вел себя так, как ведут себя многие после развода – сменил круг общения, или же это само окружение исключило его из своих рядов. Кстати, супруг носил фамилию жены и хотел сохранить ее после развода – все лучше, чем снова стать Свенссоном, которым он родился.

– Я понятия не имею, с кем он мог встречаться, – сказала она. – Хассе мог подружиться с кем угодно, в чьих глазах хоть на миг загоралась искорка восхищения им.

«Биттенс Рок-бар» находился всего в двух кварталах от квартиры Сесилии Рунне, в угловом доме на Стургатан. Когда они вошли, внутри все еще царили послеполуденные спокойствие и умиротворение, предшествующие наплыву посетителей и нарушаемые лишь голосом Боба Дилана из динамиков. Судя по старой афише, в прошлые выходные здесь праздновали Октоберфест, а тем, кто был одет в ледерхозены, бармен делал пятидесятипроцентную скидку.

– Ну надо же, – немедленно отреагировал ГГ на такое заманчивое предложение. – Надо было и мне свои вытряхнуть.

По всему выходило, что в тот вечер в сентябре Ханс Рунне после прибытия на вокзал Хэрнёсанда направился напрямик сюда. Чек был оплачен час спустя, и, судя по сумме, он выпил не больше одного бокала пива.

Бармен узнал его по фотографии.

– Да, вот же черт. Я как раз видел эту новость в Сети несколько часов назад, мы еще говорили о том, что он порой захаживал сюда, но вот с кем общался? Прошу меня извинить, но я не слежу за тем, чем занимаются посетители: они заказывают пиво, и они получают пиво. Я помню, что он часто заказывал темное, в силу своей профессии я должен обращать внимание на такие вещи. Однажды обсуждали Лунделла, говорили, что с годами он приблизился в своем звучании к Тому Уэйтсу, приобрел неторопливость и несвойственную ему глубину, но потерял многое из того, что было в его песнях от Спрингстина. Тот парень сказал, что такое, наверное, бывает с возрастом, когда чувствуешь приближение большой тьмы. И жаждешь покоя уже совсем иного рода. Думаю, красиво сказано, хотя и не знаю, так ли это.

– Это было в сентябре?

– Нет-нет! Скорее уж летом. Или даже прошлым летом.

Они двинулись дальше по одному из мостов, под которым бухта сужалась, делаясь узкой, как канал. Возможно, именно этот путь избрал Ханс Рунне, когда в тот день покинул бар около восьми часов вечера – ради ужина за двести семьдесят пять крон.

ГГ шел, уткнувшись в свой телефон, бурча что-то про сотни сведений, поступающих от населения.

– Нет, ну кто обратит внимание на того, кто просто пьет пиво? Или на одинокого бедолагу, совершающего свой последний променад?

На черной воде покачивались отражения городских фонарей, дробясь на мелкие осколки света. В роду Эйры из поколения в поколение передавалась история о том, как еще задолго до Парижа, Берлина и Лондона Хэрнэсанд стал третьим по счету городом Европы, где появилось электрическое уличное освещение. Кто-то из жителей испуганно вопил, моля о прощении грехов, но большинство все же радовалось. Нажал на переключатель – и следом, как в Библии: «Да будет свет!» Теперь уже трудно представить, каким богатым был когда-то этот город.

Ресторан располагался на причале и был выстроен в виде каюты с круглыми иллюминаторами. Они успели как раз к ужину и решили заодно перекусить. Паста с лососиной и рост-биф. ГГ заказал еще бокал красного вина.

– Мне не обязательно садиться за руль, – пояснил он, – тут неподалеку есть служебная квартира, где можно переночевать.

Одного взгляда на меню и цены хватило, чтобы заключить, что Ханс Рунне расплачивался здесь только за одного человека. Указанной суммы хватило бы на горячее и самое большее на бокал домашнего вина.

– Сожалею, но я в тот вечер не работала, – заявила старшая официантка в ответ на их расспросы. Она была ровесницей Эйры, чуть за тридцать, светлые волосы, собранные в хвостик.

Снаружи чернело море.

– Вопрос – сколько нужно заплатить, чтобы позже кто-нибудь вспомнил про твое существование? – сказал ГГ, когда официантка ушла. – Где проходит эта грань? На десерте или на кофе?

Зато другая официантка, которая принесла им еду, запомнила этого человека.

– Я даже не знаю почему, – сказала она, разглядывая фотографию. – Может, потому что он немножко со мной заигрывал, но ненавязчиво, скорее, просто хотел развеселить. Еще сказал, он надеется, что у меня большие амбиции.

– А вы уверены, что он был один?

– Да, я ведь и задержалась возле него как раз потому, что он был один. К таким клиентам надо проявлять чуть больше внимания.

– Вы видели, как он отсюда уходил?

– Пожалуй, что нет... Не помню, чтобы он оставлял после себя чаевые...

Еда создавала иллюзию непринужденности, этакая заболоченная низина на самой грани профессиональных отношений, где можно легко погрузиться в личное, особенно если такому человеку, как ГГ, недостает определенного такта.

– Ну и как ты сейчас живешь? – спросил он, когда официантка отошла от их столика. – С кем-нибудь встречаешься или вышла замуж?

– Нет, я одна, – сказала Эйра и тут же пожалела. Надо было сказать «мне нравится быть одной», так звучит гораздо оптимистичнее, несет надежду и уверенность в себе.

– А там, в Лунде, ты заботишься о доме, в котором провела свое детство?

– Да, то есть нет. Это по-прежнему мамин дом, но кто-то же должен за ним приглядывать.

Он что, и правда думал, что все это простая, непринужденная болтовня? Дело в том, что Эйра не могла принимать никаких решений касательно дома, не переговорив предварительно

со своим братом. Разумеется, ГГ знал, что Магнуса посадили на шесть лет за убийство – он самолично вел это расследование.

– И тебе нравится жить среди камней, где ты играла в детстве? – спросил он, отрезая себе внушительный кусок мяса.

– Да, конечно, нравится, а как же. – Эйра набила рот пастой тальятелле, подумав, что было бы хорошо, если бы ей не надо было ехать домой. Тогда она тоже смогла бы выпить вина, забыться за всеми этими разговорами, опьянеть по-настоящему.

– По крайней мере, это дешево, – ответила она. – Дом был полностью выкуплен еще в прошлом веке. Тот, у кого долги, не чувствует себя свободным, как сказал бы мой отец, и следом привел бы историю о том, как завод привязывал к себе рабочих, давая им кредиты.

– Выпьем же за это, – сказал ГГ и осушил свой бокал.

Прежде чем покинуть ресторан, Эйра сходила в туалет. Из головы все никак не шли сказанные ГГ слова. Это из старинного шведского стишка: *Я скучаю по дому, по местам, где я бродил, но не по людям, я тоскую по земле, по камням, где я играл ребенком.*

Она вернулась обратно в Одален ради мамы, но, быть может, не только поэтому, и само место значит для нее больше, чем она думала?

Они пересекли улицу и приблизились к отелю «Штадт». ГГ посмотрел вверх, на окна второго этажа, где размещался старый танцпол.

– Бары отелей, – проговорил он, – через них проходят потоки людей, многие остаются лишь на одну ночь.

– И никогда не знаешь, чем это закончится, – добавила Эйра.

– А на сколько он там выпил?

– Восемьдесят девять крон.

– Пиво.

– Дорогое пиво.

– Если наш клиент не устроил драку или не станцевал стриптиз на столе, то вряд ли мы что-то еще узнаем про него сегодня вечером, – заметил ГГ. – Мы затребовали имена всех посетителей, расплатившихся в тот вечер в баре, это станет нашей работой на ближайшие дни. Не считая ста... – он бросил взгляд на свой мобильный телефон. – Или даже скорее ста сорока девяти звонков от населения. Так что поезжай домой и ложись спать.

– Ладно.

– До завтра в Умео.

– До завтра.

Какое-то время он был доволен собой, пока поднимался по лестнице в бар отеля. Журчание голосов и музыка, позвякивание бокалов и иллюзия того, что здесь с тобой может случиться все что угодно.

Это было правильно – позволить ей уехать домой. Шансы на то, что поход сюда что-то даст, были минимальны, а она, как обычно, и без того славно потрудилась, эта сержант полиции Эйра Шьёдин.

Был момент, когда ему хотелось попросить ее пойти с ним, и работа была здесь совершенно ни при чем.

Мысль о ней вызвала странное волнение в его теле, и он почел за лучшее заглушить его чем-то другим.

ГГ уселся у барной стойки и заказал себе джин с тоником, продукцию местного винокуренного завода. Просто удивительно, что в этих краях стали делать хороший алкоголь. Что случилось с гордыми норрландскими традициями по изготовлению собственного самогона в подвалах и пристройках? Запах сивухи все реже встречался при домашних обысках.

ГГ немного поболтал с барменом на эту тему, после чего достал свое служебное удостоверение.

Он был бы рад не делать этого. Прикинуться обычным посетителем и сидеть там, блуждая взглядом по залу, наполненному пьяными ожиданиями, пусть даже это место было уже не тем, что прежде. Когда он рос, этот бар славился как обитель греха, воспетый даже в известном хите восьмидесятых со словами «жаркие ночи в отеле „Штадт“ Хэрнёсанда».

«Не в этот раз», – подумал ГГ, потягивая напиток и собираясь с силами, чтобы сделать свою работу. Сколько лет он сторонится женщин, которые могли бы увлечь его всерьез?

Уже года два, пожалуй.

– Что скажете? – спросил бармен.

ГГ поднял голову, не сразу сообразив, о чем его спрашивают. Ох уж этот нынешний дух времени, требующий, чтобы мы имели представление обо всем на свете.

Парень указал на напиток.

– А, хороший, – отозвался ГГ.

– На сегодняшний день джин «Хэрнё» превосходит большинство марок джина, и я говорю это не только потому, что мы сами в Хэрнёсанде.

ГГ положил на стойку смартфон с фотографией Ханса Рунне на экране.

– Узнаете его?

Никакой реакции. Парень напряженно всматривался в лицо, честно пытаясь вспомнить. ГГ подсказал число, вечер, когда Рунне, по их сведениям, был в баре отеля и где его след обрывался, но нет.

– Я сейчас посмотрю, работал ли я в тот день, – бармен поискал в календаре. – К сожалению, нет. Может, мне у коллег спросить?

Пока все присутствующие в зале изучали снимок, ГГ успел перейти от джина к виски. Один официант узнал Ханса Рунне, но когда именно он его видел и был ли с ним кто-то еще, этого он вспомнить не смог.

Одинокий вечер, без всяких желаний и намерений. «Что ты здесь делаешь, братец?» – спросил бы ГГ Ханса Рунне, окажись тот рядом с ним за одной стойкой. «Зачем ты вообще сел на автобус до Крамфорса, а следом на поезд до Хэрнёсанда, все эти мили, на что ты рассчитывал?»

По старой привычке его взгляд блуждал по помещению, совершенно независимо, сам по себе, бездумно задерживаясь на несколько секунд то на одной, то на другой женщине.

Все они выглядели довольно молодо, что уже само по себе являлось для него предупреждающим сигналом. Больше он не станет наступать на старые грабли и сближаться с женщинами моложе себя.

Одна из них случайно встретилась с ним взглядом и тут же отвела глаза. Ох уж эти мимолетные взгляды в баре отеля.

Еще один бокал, на этот раз точно последний.

Его предыдущая подруга была ровесницей этих женщин. Должно быть, виноват приглушенный свет и выпитый алкоголь, но он действительно видел ее там, сидевшей в зале, среди смеющихся женщин. Дело было даже не в их телах, такое избитое клише, а скорее в любопытстве, которое они будили в нем. Возможность увидеть мир в новом свете, глазами того, кто старается многого не замечать, чтобы лишний раз не пугаться. Чтобы оставшаяся жизнь не походила на ту, какой она была прежде.

Минным полем.

Она забрала свою зубную щетку и прочую дребедень, что валялась вокруг, и заявила, что в первую очередь должна думать о себе. Она имеет на это полное право.

ГГ говорил об этом с одним своим приятелем, знакомым еще с юности, с которым он время от времени пересекался. Друг оказался преданным и ездил к той женщине, которая, как оказалось, завела отношения лишь для того, чтобы забеременеть, а когда не получилось – ушла. ГГ встал на ее сторону. Все было наоборот, это он обманул ее, внушил ложную надежду

на то, что он тот самый мужчина, который способен дать ей то, что требуется. Таково обманчивое начало влюбленности, когда все еще так зыбко и нет никакой определенности, а ты уже вообразил себе невесть что.

После этого он залег на дно.

В кармане завибрировал телефон – пришло сообщение. ГГ обнаружил, что после выпитого ему стало намного труднее сфокусировать свой взгляд. Его слегка затошнило, когда он попытался это сделать. Перед глазами плыла дымка.

«Я тут подумала, – прочел он. – Есть кое-что еще, что я хотела бы с вами обсудить».

Это была Сесилия Рунне, бывшая жена покойного. Он что, в самом деле давал ей свой номер телефона? Выходит, что давал. На миг он подивился судьбе этой женщины – скорбеть по тому, кого ты уже не считал своим.

ГГ попытался сфокусировать свой взгляд на маленьких часиках в углу экрана, чертовски крохотные цифры, но ведь еще не поздний вечер?

Тоннель уводил куда-то в сторону, все дальше и дальше, и ему не было конца. Она двигалась в неверном направлении, но не могла повернуть назад. Звучал сигнал тревоги. Эйра бежала, пригнувшись под землей, она должна была туда успеть, это был ее тревожный вызов, она забыла, что она на службе, и теперь опаздывала, кто-то умрет, но там есть дорога наружу, она ведет в подвал ее собственного дома, закуток, куда она иногда пряталась в детстве и где никому не приходило в голову ее искать. Вой сирены достиг своего пика и рывком вернул ее обратно в реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.